

Православная апологетика

Краткое конспективное изложение курса лекций,
читанных в Свято-Троицкой Духовной Семинарии.

Издание второе
Holy Trinity Russian Orthodox Monastery
Jordanville, New York, USA 1965 г.

Книга профессора Ивана Михайловича Андреева (1894-1976) «Православная апологетика», издана в серии «Духовное наследие русского зарубежья», Сретенским монастырем в 2006 г. Иван Михайлович преподавал в Семинарии Свято-Троицкого Монастыря РПЦЗ в Jordanville, NY. Первое издание вышло в 1960-х годах, там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Часть I

- (1) Краткий исторический обзор апологетических работ;
- (2) О сущности религии;
- (3) Религия и нравственность;
- (4) Религия и наука;
- (5) Проблема чуда;
- (6) Религия и искусство;
- (7) Происхождение религии;
- (8) Основные истины религии. Истина бытия Божия;
- (9) Доказательства бытия Божия;
- (10) Истина бессмертия души;

Часть II

- (1) Значение естественных религий;
- (2) Христианское учение об Откровении;
- (3) Критерий истинного откровения;
- (4) Чудеса и пророчества;
- (5) Богооткровенная религия христианства;
- (6) Ветхозаветная религия. (Корень христианства);
- (7) Сущность ветхозаветной религии;
- (8) Библейское учение о мироздании;
- (9) Библейское учение о человеке;
- (10) О единстве человеческого рода;
- (11) О первоначальном состоянии человека;
- (12) Библейское учение о происхождении зла;
- (13) Библейское учение об искуплении;
- (14) Библейское учение о всемирном потопе;
- (15) Библейское сказание о разделении языков;
- (16) Этика ветхозаветной религии;
- (17) Учение ветхозаветной религии о загробной жизни;
- (18) Основание христианства;
- (19) Личность и характер Христа;
- (20) Сущность христианства;
- (21) Заключение. (Апология христианства)

Приложение

Личность Спасителя – как живой идеал нравственного совершенства

Введение

Православная апологетика (или основное богословие) есть богословская наука, представляющая собой систематическое изложение, обоснование и защиту (апологию) основных христианских истин, как их понимает Православная Церковь. Эти истины суть: истина бытия Божия, истина бессмертия души человека и истина Божественного откровения.

Наука апологетика (основное богословие) носит еще и другие названия: введение в богословие, общее богословие, умозрительное богословие, апологетическое богословие, энциклопедия богословия; иногда эту науку называют философией религии, философией христианства, христианским мировоззрением и т. п.

Мы будем называть наш курс апологетикой или основным богословием, так как главная цель нашего курса будет защита основных богословских истин Православной Церкви. Давая систематическое изложение основ православного богословия, апологетика (основное богословие) вместе с тем является и основой органически целостного православного христианского мировоззрения.

Под именем православного богословия обычно понимается систематическое изложение христианской религии на основании изучения Слова Божия, т. е. Священного Писания и Священного Предания, под руководством Православной Церкви.

Слово "православный" (ортодокс) значит правильно мыслящий о предметах веры, правильно верующий, правильно славящий Бога. Слово "богословие" (теология), по учению святых отцов и учителей Церкви, имеет несколько значений: "слово о Боге", "слово от Бога", "слово к Богу", "слово для Бога". Митрополит Московский Макарий (Булгаков) определил богословие как "слово Божие о Боге во славу Божию".

Согласно общему учению Православной Церкви, богословие можно определить как учение о Боге, Его свойствах и о всем относящемся к богочитанию.

Первым христианским богословом был святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, в своем Евангелии преимущественно показавший, что Иисус Христос есть Сын Божий или Слово Божие, Бог Слово. Из святых отцов и учителей Церкви преимущественно богословом именуется святой Григорий Богослов и святой Симеон Новый Богослов.

В отличие от всех других философских и религиозных мировоззрений, мировоззрение христианина представляет собой не отвлеченное умозрительное построение, а животворящий метод осмысленной и нравственной жизни человека в мире. Поэтому и основной метод науки апологетики заключается прежде всего в положительном жизненном изображении основных истин христианства и выяснении глубокой внутренней связи этих отдельных истин, представляющих собой органическое целостное единство. Лучезарно-светлый образ христианской истины, раскрытый перед духовными очами слушателя, убеждает его гораздо в большей степени, чем самые точные логические доказательства. Такой положительный способ защиты христианства является основным методом православной апологетики. Затем идут так называемые положительные рациональные обоснования и доказательства, опирающиеся на данные соображений разума, т. е. такие данные, которые заимствуются из философских, историко-филологических, естественно-исторических и физико-математических наук. При посредстве этих доказательств апологетика защищает христианскую религию от попыток дискредитировать ее указанием на якобы имеющиеся противоречия между религией и наукой, между верой и знанием, между разумом и откровением. Отрицательные или косвенные доказательства истин христианской религии, состоящие в критическом разборе противорелигиозных вообще и противохристианских воззрений в частности, также употребляются в апологетике, но имеют второстепенное значение.

Самая большая опасность, которой иногда подвергаются неопытные апологеты христианства, заключается в соблазне критикой, ради которой забывается положительная задача построения христианского мировоззрения. Наука апологетика, являющаяся основой и введением в богословие, не должна размываться на мелочную критику частных обывательских заблуждений, обличение которых принадлежит по преимуществу пастырской деятельности, а должна сосредотачиваться на критике основ целых систем мировоззрений, враждебных религии вообще и христианству в особенности.

Окончательной целью православной апологетики (основного апологетического богословия) является построение несокрушимого фундамента целостного церковно-православного христианского

мировоззрения, защита его основ от нападков философской и научной критики и, одновременно с этим, разрушение основ всех противных христианству мировоззрений. Отсюда ясно, что апологетика является и фундаментом для всего здания богословских наук. На этом фундаменте зиждутся исследования всех остальных богословских вопросов: догматических, нравственных, канонических и прочих.

Идеалом изучения всех богословских наук является построение единой целостной системы органического богословия.

Основное апологетическое богословие и представляет собой методологически зародыш такой системы.

Что касается плана построения апологетики, то он определяется сам собой из необходимости последовательно раскрывать, обосновывать и защищать положения, касающиеся религии вообще, а затем религии христианской.

При использовании научных данных следует быть особенно осторожным и не увлекаться, по примеру католичества, "строгой научностью" доказательств, памятуя, что все науки дают только временное гипотетическое знание, тогда как предметом апологетики является вечная и неизменная истина.

Защита христианской истины, эта благодатная и благодарная задача, требует безусловной честности, чрезвычайной осторожности, глубокой вдумчивости, основательной эрудиции, внутреннего смирения, терпения и самоотверженной любви к Богу и людям. "Служите Господу со страхом и радуйтесь (пред Ним) с трепетом" (Пс. 2, 11).

Часть I.

1.1 – Краткий исторический обзор апологетических работ в связи с общей историей богословия

Религиозные заблуждения (язычество, пантеизм, атеизм и т. п.) появляются в истории человечества так же рано, как и заблуждения другого рода (научные, философские, политические и пр.). Опровержения их мы встречаем уже в глубокой древности. Так, например, в книге «Премудрости Соломона» имеются элементы космологического доказательства бытия Божия и историческое опровержение лжи идолопоклонства. Вообще же Библия мало занималась вопросами доказательства истины бытия Божия, потому что в существовании Бога в библейские времена мало кто сомневался. Вера в Бога была тогда так ясна и крепка, что всякое сомнение в Его существовании казалось просто безумием или другим видом психической ненормальности и неполноценности.

«Сказал безумец в сердце своем: нет Бога» (Пс. 13, 1).

Древнегреческая философия, главным образом в лице Сократа, Платона и Аристотеля, внесла много ценного в дело защиты основ религиозных верований и критики атеистических и материалистических учений.

Господь наш Иисус Христос, ввиду совершенных Им сверхъестественных знамений и чудес, не имел нужды обращаться к так называемым научным и философским доказательствам в подтверждение своего учения. Для того времени было достаточно одной веры, без обоснования этой веры. Вера сводилась к сердечному принятию того, о чем говорил необычайный Учитель.

Что мог ответить Христос Пилату на его вопрос: «Что есть истина?», когда Он Сам – воплощенная Истина («Я есмь путь и истина и жизнь» – Ин. 14, 6) – стоял перед вопрошавшим?

Апостолы и первые христиане проповедовали о Христе распятом и воскресшем как об истинном факте и не нуждались ни в каких научных и философских построениях и диалектических тонкостях. Да и сами проповедники, именем Христовым, по своей вере совершали чудеса. Христианство сначала принималось только верою, и лишь позднее сама вера стала предметом размышления.

Но, появившись в иудейско-языческом мире, христианство должно было, защищая себя от нападков, вскрывать заблуждения язычников и иудеев. Язычникам необходимо было доказывать, что Бог христианский есть истинный Бог; иудеям необходимо было доказывать, что Христос есть обещанный пророками Мессия. В ответ же на преследования правительственной власти христианам надо было опровергать клевету и доказывать, что они не только не вредны для государства, но,

наоборот, очень полезны вследствие высоких моральных основ нового учения. Этим и объясняется характер первых апологий христианских.

Древнейшая апология принадлежит Кодрату (написанная к императору Адриану). У историка Евсевия сохранился из нее отрывок, в котором Кодрат свидетельствует, что некоторые из воскресенных Христом дожили до его времени.

Так как христианство стали принимать не только простые и неученые люди, но и высоко философски образованные, знакомые со всей эллинской мудростью, то вполне естественно, что этими последними новые христианские истины стали защищаться в свете рациональных философских достижений честного человеческого знания. В ответ на критику христианства со стороны языческих ученых и философов (Флавий, Арион, Лукиан Самасатский, Цельс, а позднее неоплатоники: Порфирий, Филистрат, Иерокл и другие) христианство выдвинуло замечательных апологетов из среды бывших языческих философов и ученых, которые приняли христианство. Среди них были такие как Аполлос (упоминаемый апостолом Павлом), Иустин Философ, его ученик Тициан, Кодрат (указанный выше первый апологет), Аристид, Афиногор Философ, затем Патен (бывший философ стоик), Климент Александрийский и другие.

В борьбе молодой христианской мысли с многовековой языческой философией выявилась настоящая необходимость противопоставить языческим философским системам христианство как систему, с разумной аргументацией. В связи с этим явилась новая проблема. Надо было принципиально решить вопрос об отношении разума к вере и философии к христианству, чтобы рассеять недоумения относительно уместности в христианстве наук рядом с верой. На эту же задачу наталкивало и появление новых ересей. Ввиду этого некоторые отцы и учителя Церкви стали считать необходимым раскрывать догматы веры с помощью логических приемов и облекать их в систему, противопоставляя ложному гнозису еретических школ истинный гнозис христианской Церкви. Эти учителя Церкви давали широкий простор разуму в исследовании и определении догматов веры. Другие же учителя и церковные писатели, считая причиной происхождения ересей незаконное значение, которое придают еретики разуму в применении к христианским догматам, старались излагать церковное учение, держась на почве только одного откровения.

Главной защитницей разума и философии являлась так называемая Александрийская школа. В Александрии, этом центре учености, затмившем своими школами и учеными учреждениями знаменитые Афины, христианская Церковь впервые овладела школьной ученостью и воспользовалась философией для служения вере. Здесь подвизались обратившиеся к христианству философы, среди которых был и знаменитый Климент Александрийский. Климент определенным образом разрешил вопрос об отношении между христианством и философией, верой и наукой в смысле полного признания участия честного разума в делах веры. По Клименту, нет знания без веры и веры без знания. Он ратовал за необходимость научно раскрытой и снабженной возможными доказательствами веры и за внутреннюю связь веры и знания.

«Послушное вере знание и вера, подкрепленная знанием, взаимно сопровождая друг друга, составляют благодетельное согласие между собой». «Знание следует за верой, а не предшествует ей». Климент Александрийский, первый попытавшийся научно и философски обосновать христианское богословие, может быть назван родоначальником апологетики как науки.

Те же мысли о пользе науки и об участии разума в деле веры развивал и ученик Климента Ориген. Сочинение Оригена «О началах» представляет собой первую по времени попытку создать богословскую систему, в которой догматы веры связаны, аргументированы и освещены общей мыслью.

Резкую противоположность Александрийской школе представляла собой школа Североафриканская. Самый характерный ее представитель был карфагенский пресвитер Тертуллиан. Он резко отрицал все то, что утверждали Климент и Ориген. Приняв христианство в зрелом возрасте, он отдался ему со страстью своей горячей природы, до фанатизма. Тертуллиан совершенно отрицал значение разума в раскрытии догматов веры. По его мнению, «ересь – дочь философии». «Веруя Иисусу Христу и Евангелию, мы не имеем надобности верить чему-либо иному, кроме этого». «Похоть любознательности относительно предметов веры должно совершенно отвергнуть; страсть к знанию должна быть подавлена стремлением к спасению». «Верю, потому что это бессмыслица».

Ни Ориген, ни Тертуллиан не были признаны Церковью отцами и безупречными православными церковными учителями. Они даже подверглись порицанию и осуждению. Но влияние некоторых их трудов было значительное. Святые отцы и учителя Церкви Василий Великий,

Григорий Богослов и Григорий Нисский частично воспитались на Оригене. Святитель Киприан Карфагенский был учеником Тертуллиана.

Влияние Александрийской школы оказалось значительно сильнее. В IV веке у христиан на Востоке уже не было ни боязни разума, ни опасения науки, ни вражды к языческим философам. Святитель Иоанн Златоуст был учеником языческого ученого Ливания (учителя красноречия). В языческих Афинах получили высшее образование святитель Василий Великий и святитель Григорий Богослов.

Все греческое богословие в блестящую, оживленную и творческую эпоху Вселенских Соборов носит до некоторой степени печать классической философской греческой методы. Этот период заканчивается «Источником знания» святого Иоанна Дамаскина (VII в.).

Крайне резкая универсальная догматическая формула Тертуллиана «credo quia absurdum» («верю, потому что это бессмыслица») в конце концов не была принята ни на Востоке, ни на Западе.

Разум был признан также посланным человеку от Бога, почему между истинным научно-философским знанием и истинной религиозной верой была найдена гармония, и девизом христианской апологетики стало утверждение: «верю, потому что это не бессмыслица».

В истории апологетики нельзя не отметить огромного значения святителя Дионисия Александрийского (называемого часто Великим) – выдающегося философа и богослова III века. В его сочинении «О природе» содержится убийственная критика учения Эпикура о происхождении мира вследствие столкновения атомов. Развивая мысли Оригена против материалистического атеизма, святой Дионисий Александрийский чрезвычайно убедительно доказал, что взаимоотношения атомов возможны лишь под условием их подчинения общеуправляющей силе.

Великие отцы и учителя Церкви эпохи Вселенских Соборов были не только тверды в вере, преданы Евангелию и святой жизни, но и широко научно образованы и обладали философским глубокомыслием и диалектической тонкостью.

Несмотря на более практическое направление латинского Запада, ограниченность его образования по сравнению с эллинизированным Востоком и слабость интереса к тонким отвлеченностям, Запад также не пошел за Тертуллианом, своим первым учителем и первым писателем, а пошел за восточными учителями. Запад долгое время учился у христианского Востока, как некогда Рим учился у покоренной Греции.

В эпоху Вселенских Соборов огромное апологетическое значение на Востоке имели многие сочинения святителя Афанасия Великого, святителя Василия Великого, святителя Кирилла Александрийского, блаженного Феодорита и других. На Западе в это время подвизались на апологетическом поприще богословы: Викентий Леринский, блаженный Августин, богослов и апологет Запада. В своем сочинении «О граде Божиим», пользуясь методом неоплатонической философии, он доказывал, что наилучший вид государства находится в Царстве Божиим христианской Церкви.

Блаженный Августин горячо защищал разум и рекомендовал для богословов диалектику.

Творческая деятельность христианского Востока имела свой расцвет в эпоху Вселенских Соборов.

В средние века внимание историка начинает привлекать Запад.

Ансельм Кентерберийский (1109) дал так называемое онтологическое доказательство бытия Божия, которое позднее высоко ценили такие гениальные философы, как Декарт, Лейбниц и Гегель.

Фома Аквинат (1274) составил целую философско-апологетическую систему, которая до сих пор лежит в основе преподавания апологетики в католических школах.

Преобладающим направлением на Западе в средние века была так называемая схоластика, которая обратила свое главное внимание на догматику и подвергла все церковные догматы до мелочности тонкому, сухому, рационалистическому анализу. Кроме Фомы Аквината, наиболее крупными схоластами были: Альберт Великий (1280), Александр Галлес (1245), Иоанн Дунс-Скот (1308).

Но рядом со схоластикой на Западе была и мистика, наиболее яркими представителями которой были Бернард Клервосский (1153) и Бонаventura (1274).

В массе новых идей и теорий в области философии и науки, как и в массе новых научных открытий в эпоху так называемого Возрождения и Гуманизма, западные богословы не сумели сначала разобраться. Они смеялись над утверждением Колумба о шаровидности земли и существовании антиподов, преследовали гениальных Коперника и Галилея за открытые ими истины.

Некоторые из западных богословов вооружались иногда и против несомненных результатов точных естественных исследований.

Восточная же (греческая) Церковь была неповинна в неприязненности против прогресса науки. Об этом имеются объективные научно-исторические свидетельства самих представителей западной науки. Так, например, знаменитый Дрепер в своем известном историческом исследовании «История борьбы между религией и наукой» (есть русский перевод под заглавием «История отношений между католицизмом и наукой») говорит: «Греческая Церковь со времени восстановления наук никогда не становилась враждебно к успехам знания. Напротив, она всегда относилась к нему благосклонно. Она сохраняла уважение к истине, с какой бы стороны та ни приходила. Замечая противоречия между своими истолкованиями откровений истины и открытиями науки, она всегда ожидала, что явятся удовлетворительные объяснения и примирения, и в этом она не ошибалась».

Профессор Н.П.Рожественский в своем курсе «Христианской апологетики» совершенно справедливо отмечает по этому поводу: «С величайшею вероятностью можно сказать, что все главнейшие столкновения западного богословия с естествоведением не имели бы места, если бы Западная Церковь находилась в общении с Православной Церковью и осталась верной широте ее воззрений на отношение между верой и наукой, проистекавшей из твердого убеждения в непоколебимости вечной истины христианства».

Новое время нанесло тяжелый удар папству и средневековой схоластике, вследствие чего схоластическое католическое богословие пришло в упадок. Но этот упадок не означал падения богословской науки вообще.

Немецкая Реформация возбудила новые религиозные интересы и вызвала новую богословскую науку, широкую и разнообразную, восприимчивую к всякого рода новым научным влияниям и, вследствие этого, разделившуюся на множество школ и направлений.

Главным источником религиозного знания и всякого богословствования было снова признано Священное Писание, и Библия, забытая в средние века, приобрела снова уважение и интерес. Но при этом был поколеблен авторитет Церкви, и новая протестантская догматика начала строиться при отрицании авторитета святых отцов и учителей Церкви, Вселенских Соборов и вообще рассуждений разума (который Лютер считал слепым и глупым по своей природе). По мнению протестантов, боровшихся с католическим рационализмом, при понимании Священного Писания следует руководствоваться не разумом, а непосредственным чувством. Это давало повод к крайнему субъективизму, что вскоре вызвало вполне естественную и законную реакцию в защиту разума. Но принцип свободы исследования и толкования Библии, не огражденных руководством и авторитетом соборного разума Церкви, привел к развитию нового протестантского рационализма, отличавшегося от католического рационализма произволом индивидуального разума.

На этой рационалистической почве вскоре выросла огромная протестантская схоластика, не уступавшая старой, средневековой, в скрупулезности определений и изощренности анализа. Что же касается апологетики, то Реформация заставила защиту общих важнейших истин христианства отступить на второй план перед защитой частных вероисповедных положений.

Импульсом к дальнейшему развитию апологетики явилось движение так называемого деизма. Деизм – это религиозно-философское учение, отрицающее откровение и Промысл Божий. Родоначальником деизма был в XVII веке англичанин лорд Чербери. Деизм, в виде признания Бога Творца и отрицания Бога Промыслителя, был особенно распространен в XVIII веке. К числу деистов принадлежали: Шефтсбери, Тиндаль, Вольтер, Руссо. (Канта и Дарвина с некоторыми оговорками тоже можно считать деистами.) Многие деисты очень умно и сильно защищали некоторые общехристианские истины и тем давали оружие для борьбы с неверием. Но для подлинной христианской апологетики этого было недостаточно. Начались споры между апологетами. Одни считали возможным всецело рационалистически истолковать и обосновать христианство (например, Тиндаль), другие, наоборот, настаивали на его сверхразумности.

Из всех этих спорящих и часто извращающих христианство ученых и философов выделяется замечательная личность Паскаля (1662), гениального французского математика и глубокого религиозного мыслителя, великого апологета XVII века (см. его «Мысли о религии»).

Философия Декарта (гениальный французский математик и философ, умерший в 1650 году) по своему идеалистическому характеру, признавшему врожденность идей и сверхчувственный мир, имела сродство с христианским мировоззрением, почему ею пользовались и богословы в интересах

защиты христианской истины. (Особенно новыми соображениями Декарта по поводу онтологического доказательства бытия Божия.)

Главным врагом, с которым боролась германская апологетика в XVII и XVIII веках, был пантеизм Спинозы.

Огромная заслуга в борьбе с ним принадлежит немецкому философу Лейбницу (1716). Философия Лейбница во многом способствовала делу научной защиты христианства. В ней мрачному пантеизму Спинозы противопоставлялось светлое философское мировоззрение, рассматривавшее мир как творение всемогущего, премудрого и всеблагого Творца; механическим теориям образования мира – стройная система телеологического мировоззрения; гипотезам о случайности мирового порядка – учение о предустановленной гармонии; атеистическим теориям – философское доказательство бытия Божия, особенно космологическое и телеологическое, а также истины бессмертия души. Философия Лейбница давала оружие для опровержения материализма, скептицизма и, отчасти, деизма. Философ сам заботился о примирении своих основных философских воззрений с христианским учением о Божественном Провидении, об откровении, об искуплении, о свободе человеческой воли, о соглашении веры с разумом.

В конце XVIII века немецкий философ Иммануил Кант дал, с одной стороны, критику всех имевшихся тогда доказательств бытия Божия, а с другой стороны, предложил свое, новое доказательство (особая форма нравственного доказательства истины бытия Божия). Как и сама критика, так и новый опыт доказательства этой истины вызвали большой подъем интереса к апологетике и содействовали ее развитию как особой богословской науки.

В первой половине XIX века и в науке, и в философии было очень сильное течение, старавшееся примирить знание с религией. Авторитет гениального ученого Кювье освещал в естествознании религиозное понимание природы. Идеалистические системы немецкой философии давали материал для философского обоснования этих попыток. Но дух либерализма и рационализма, проникший из философии в богословие, глубоко извратил самые принципы протестантских богословских исследований. Победив схоластику, протестантский рационализм вооружился против церковной догмы вообще и даже против Священного Писания. Начались возражения против Божественности происхождения христианства; утверждалось человеческое происхождение Священного Писания. Началось отрицание чудес, пророчеств и вообще всего сверхъестественного. Священное Писание стало изучаться как всякая другая древняя литература. Философия стала подчинять себе богословие. Догматику стали обрабатывать по философским принципам Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Историческое церковное понимание догматов (плод тысячелетнего соборного разума и опыта святых) стало игнорироваться.

Особенно много зла принесла германская протестантская отрицательная историко-критическая школа, известная под именем Новотюбингентской богословской школы, основателями которой были Штраус и Баур. Школа эта, собрав от прошлого века все, что было сделано отрицательной критикой по отрицанию подлинности библейских книг, достоверности евангельских чудес и прочее, значительно пополнила эти отрицательные результаты. С этим вооружением она выступила не только против Священного Писания и Священного Предания, но и против личности Самого Божественного Основателя христианства. Появляются книги Штрауса («Жизнь Иисуса»), Ренана, Шенкеля, Фейербаха («Сущность христианства») и других.

Философская система Гегеля имела сильное и продолжительное влияние на метод западной научно-богословской апологетики. Это объясняется тем, что Гегель в своей системе отводил самое видное место религиозно-философским вопросам и возвышал значение философского умозрения в деле научного обоснования религиозных истин, резко возражая тем теориям, которые отрицали пользу и даже самую возможность применения научного метода к богословию (Кант, Якоби, Шлейермахер).

Для многих протестантских богословов авторитет Гегеля стал таким же, каким был авторитет Платона для неоплатоников и Аристотеля для средневековой схоластики.

Но попытки согласовать христианское богословие с рационалистической системой Гегеля приводили к чрезвычайно печальным результатам: при таком богословствовании Само Божество превращалось только в идею, и христианский теизм превращался в деизм или пантеизм.

В истории католического богословия таких колебаний, как в богословии протестантском, не отмечается. Фома Аквинат до сих пор является величайшим авторитетом католической догматики и апологетики.

В XIX и XX веках борьба с Кантом, Гегелем, материализмом Фейербаха и Карла Маркса, позитивизмом О.Конта и другими философскими течениями, враждебными или чуждыми христианству, привела к появлению многих ценных философских трудов, имеющих и апологетическое большое значение.

Глубокий кризис и последующее за ним чрезвычайное развитие физико-математических наук в XX веке дало также много нового апологетического материала.

Один из величайших современных физиков, математиков, астрономов и мыслителей, Д.Джинс, на основании колоссального материала, собранного атомной физикой за последние столетия, придя к выводу, что материя, ныне находящаяся во вселенной, «не существовала вечно», заканчивает свои рассуждения утверждением: «Перст Божий вызвал ее».

Защита частных истин и опровержение многих частных теорий была по преимуществу делом католических богословов, тогда как общая защита христианских истин стала преимущественно делом богословов протестантских.

Православная же апологетика всегда стремилась дать разумный синтез общих и частных апологетических проблем, ставя при этом во главу угла положительный метод построения христианского органически целостного мировоззрения.

Апологетическая литература чрезвычайно обширна, разнообразна и почти необозрима. Но, со строго православной точки зрения, вполне законченного, целостного и углубленного учебника апологетики еще нет.

Из иностранных переводных работ по апологетике в XIX веке заслуживают внимания: Ульрици «Бог и природа», Геттингер «Апология христианства», Лютард «Апология христианства», Эбрард «Апологетика». Все эти работы переведены и на русский язык.

Из православных русских трудов по апологетике следует отметить классическую работу Московского митрополита Макария (Булгакова) «Введение в православное богословие» (6-е издание, СПб., 1897), замечательный двухтомный учебник для духовных академий профессора Н.П.Рождественского «Христианская апологетика. Курс основного богословия» (издание 2-е, СПб., 1893) и своеобразное исследование догматического богословия с апологетической точки зрения профессора протоиерея П.Я.Светлова «Опыт апологетического изложения православного христианского вероучения», т. 1 и т. 2 (Киев, 1898). Эти замечательные работы не потеряли своего значения и до настоящего времени.

Заслуживают также внимания и некоторые другие старые русские учебники, например архим. Августина «Руководство к основному богословию», профессора прот. Д.А.Тихомирова «Курс основного богословия» (СПб., 1887), профессора прот. А.Н.Кудрявцева «Краткий курс лекций по православному богословию» (2-е изд., М., 1898), Пятницкого «Введение в православное богословие», Добротворского «Основное богословие».

Из последних учебников заслуживает внимания труд профессора прот. В.Зеньковского «Апологетика», Париж, 1957 (ценны библиографические указания до 1957 г.).

1.2 – О сущности религии.

Слово «религия» происходит, по объяснению Лактанция, блаженного Иеронима и блаженного Августина, от слова «religare» – связывать соединять или, как это подчеркивает блаженный Августин, может быть, от слова «religere» – воссоединять. Лактанций определял сущность религии как союз человека с Богом. Блаженный Августин определял ее как воссоединение человека с Богом.

Несомненно, что всякая религия представляет собой связь, соединение или воссоединение и общение с высшим миром или с высшим существом, с высшей абсолютной ценностью, т.е. с тем, что называется Богом.

В основе всех религий лежит вера. Вера есть сложная, синкретическая (т.е. изначально синтетическая) способность ума, чувства и воли (в триединой гармонии всех этих духовных сил человека), направленная на познание того, что недоступно одному уму.

Там, где для познания чего-нибудь достаточно усилий одного ума, нет надобности обращаться к вере. Но там, где один ум недостаточен и бессилён, – может помочь вера.

Вера может быть правильной (вера в истину) и ошибочной (вера в ложь). Где же и в чем критерий истинной веры? Этот критерий заключается в так называемом прагматическом оправдании

или обличении принятого на веру самой жизнью. «По плодам их узнаете их» (Мф. 7:16-20). Ум никогда не может строго логически, строго научно, математически точно доказать то, что было познано при помощи веры. Там, где такое доказательство возможно, вера была ошибкой. Коротко говоря, верить можно только в то, что не может быть опровергнуто и возможность чего может быть доказана.

Отсюда ясно, что основные истины религии, методологически непостижные одному уму, а потому воспринимаемые верой, могут и должны быть защищены как неопровержимо возможные.

Доказательством их проблематической достоверности и занимается основное богословие или апологетика.

Всякий сознательный, нормально и критически мыслящий человек, духовно развиваясь, рано или поздно ставит перед собой целый ряд вопросов о сущности, смысле и цели жизни, как личной, так и всего человечества и всей вселенной. Что такое жизнь? Какова первопричина всего существующего? Есть ли Бог, Творец всего, или мир существует без Творца? Можно ли с Богом, если Он есть, иметь какое-нибудь общение? Существует ли иной мир, кроме видимого? Что такое материя? Что такое сознание? Что такое душа? Что такое «я»? Что такое смерть? Существует ли бессмертие души? В чем смысл и цель жизни мира и человека? Каков будет конец мировой истории и мироздания вообще? Что такое добро и зло? Можно ли познать абсолютную истину? Как надо жить и к чему стремиться?

Ответы на эти вопросы составляют религиозный фундамент всякого мировоззрения.

В построении этого фундамента мировоззрения принимают участие все духовные силы человека: прежде всего воля (воля к Истине), затем его чувства и ум.

Первоверховный вопрос, который необходимо разрешить при построении этого фундамента, таков: есть ли абсолютная Истина (т.е. Бог) и можно ли ее постичь? Если абсолютной истины нет, то жизнь не имеет никакого смысла и никакой цели.

Разрешение этой религиозной проблемы может быть различно:

1. Скептицизм – сомнение во всем, в том числе и в существовании Бога. Его ответ по вопросу о Боге (абсолютной Истине) таков: «не знаю».

2. Критицизм (Кант) – утверждение, что абсолютная Истина (Бог) непознаваема. Его ответ: «не могу знать» (точно научно невозможно доказать).

3. Позитивизм (Конт) есть утверждение о том, что человечество в своем развитии проходит три стадии: теологическую, когда преобладала вера, метафизическую, когда преобладало умозрительное философствование, и позитивную, когда преобладает научное знание.

4. Атеизм есть утверждение, что Бога нет. Атеизм есть вера, ибо знать, что Бога нет, невозможно. Атеизм есть вера в то, что Бога нет, вера в не-Бога.

5. Пантеизм есть вера в то, что Бог и природа одно и то же. Знать этого нельзя, но верить можно.

6. Деизм – вера в Бога как только Первопричину и Творца мира и его законов.

7. Теизм есть вера в Бога не только как Творца и Первопричину, но и как Промыслителя вселенной; с Богом можно иметь общение в Таинствах и молитве.

Совершеннейший вид теизма представляет собой ХРИСТИАНСТВО.

Разберем вкратце эти воззрения.

Скептицизм бесплоден. Он успокаивается на своем «не знаю» и не делает нравственного, духовного, волевого усилия познать абсолютную Истину (Бога). Последовательный скептицизм должен сомневаться в своем собственном сомнении, т.е. становится совершенно импотентным в вопросах какого бы то ни было познания о мире и человеке.

Критицизм, в конце концов, есть только признание ограниченности научного знания.

Позитивизм представляет собой сочетание своеобразного скептицизма (теологического и философского) с наивной верой в науку. Отсекая от себя главнейшие и насущнейшие запросы человеческого духа, позитивизм тем самым оскопляет себя как мировоззрение и превращается в конгломерат отдельных «научных» знаний, годных для удовлетворения мелких практических запросов жизни. Позитивизм страдает отсутствием «воли к истине».

Атеизм, будучи верой в отсутствие Бога и абсолютной истины, запутывается в массе противоречий и не в состоянии построить не только целостного мировоззрения, но и какой-нибудь более или менее удовлетворительной теории материи, которую он пробует обожествить, приписывая ей абсолютные свойства.

Пантеизм, отождествляя Бога и природу, также запутывается в неразрешимых противоречиях, ибо не в состоянии объяснить ни первопричины, ни цели, ни смысла мира и человека, ни целесообразности во вселенной, ни происхождения зла, ни нравственного закона.

Деизм, отрицая Промысл и откровение Божие, не может дать никаких ответов на самые насущные вопросы человеческого духа.

И только теизм, и особенно совершеннейший вид его – христианская откровенная религия, дают самое стройное, самое целое, самое глубокое, самое широкое, самое продуманное, самое доказательное, самое убедительное и в то же время самое светлое, радостное и жизненное мировоззрение.

В основе христианской религии лежит жажда истины и воля к истине.

«Абсолютная истина должна быть, и я во что бы то ни стало хочу ее познать!» С этого волевого акта (воли к истине) начинается построение христианского мировоззрения.

После этого нравственного, волевого усилия честный критический ум ищущего сразу же категорически утверждает: «Но ведь человек, будучи частью целого мира, будучи не Творцом, а творением этого мира, ограниченный временем рождения и смерти и пространством своей жизни, не может сам, самостоятельно, познать весь, целый, безграничный мир, постичь мысли, замыслы и цели его Творца, понять смысл и цель жизни всего мира и своей жизни. Ибо ничтожная часть не может познать абсолютного целого!»

Абсолютная истина непостижима человеку. Однако все же есть одно-единственное условие, при котором возможно познание этой истины. Если существует абсолютное, всесовершенное, высшее Существо – Бог, Который есть Личность, Первопричина всего, Творец и Промыслитель мира, и если это абсолютное Существо – Бог пожелает открыть абсолютную истину человеку, – тогда и только тогда эта истина может стать доступной нашему сознанию.

Иными словами, абсолютная истина или непознаваема (тогда жизнь бессмысленна!), или может быть познана только через откровение Бога людям.

Абсолютная истина богооткровенна. Но существует ли такое богооткровение? Да, существует.

Христос сказал об этом ясно, просто и определенно: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6), т.е. Я есмь метод (путь) познания истины; Я есмь сама воплощенная истина (все, что Я говорю, – истина, ибо Я открываю людям волю Бога, Отца Моего) и Я есмь жизнь (без Меня не может быть жизни).

Как можно отнестись к словам Христа? Им можно поверить или не поверить. Но «не поверить» – это значит «поверить в нет». Человек имеет свободную волю, и от его свободной воли зависит выбор, во что верить.

Чрезвычайно важно понять, ясно и определенно понять, что вере в Бога, во Христа, в откровение Божие ничто не мешает!

При вере в Бога, во Христа, в откровение не получается никаких противоречий в процессе построения целостного мировоззрения, а главное – открывается единственная возможность познания абсолютной истины, которую так жаждет познать человек.

Только при поверхностном знании (которое, по словам Бэкона, часто удаляет от Бога) перед человеческим умом встают мнимые противоречия между верой и знанием, между религией и наукой. При углубленном же знании (которое, по словам того же Бэкона, приближает к Богу) эти мнимые противоречия исчезают без следа. Вот почему свыше 90% величайших мировых ученых верили в Бога. Вот почему Сократ, Платон, Аристотель, Плотин, Декарт, Паскаль, Лейбниц, Ньютон, Пастер, Рентген, Дарвин, Ломоносов, Менделеев, Павлов, Эйнштейн, Бергсон, Планк, Джинс и другие величайшие мировые ученые всех времен и народов были глубоко религиозными людьми.

Люди простые, не искушенные наукой и философией, близкие к природе и имеющие чистые сердца, тоже верят в Бога.

Атеисты же представляют собой большей частью и недоучек, простых и высококвалифицированных (среди ученых тоже бывает много таких высококвалифицированных недоучек и философски неграмотных людей).

Атеист всегда дефектен: или умом, или моралью, или волей (злая воля).

1.3 – Религия и нравственность

Для более глубокого понимания сущности религии следует разъяснить отношение ее к другим сторонам духовной жизни человека. Наиболее важно уяснить отношение религии к нравственности, к науке и к искусству.

Первое и самое главное отношение между религией и нравственностью есть отношение их неотъемлемого взаимодействия.

Религия и нравственность тесно связаны между собой. Религия невозможна без нравственности, а нравственность невозможна без религии. Вера без дел мертва. Такой верой веруют только бесы (веруют и трепещут). Истинная же вера (живая, а не мертвая) не может быть без добрых дел. Как благоухающий по природе цветок не может не благоухать, так и истинная вера не может не свидетельствоваться доброй нравственностью. В свою очередь и нравственность без религиозной основы и без религиозного света не может существовать и непременно завянет, подобно растению, лишенному корня, влаги и солнца. Религия без нравственности подобна бесплодной смоковнице; нравственность же без религии – подобна срубленной смоковнице.

Тесная и неразрывная взаимосвязь религии и нравственности вовсе, однако, не означает их тождества. Для того чтобы это было понятно, необходимо, кроме взаимной связи, показать и их различие.

Многие даже выдающиеся философы не понимали этого различия. Так, например, И. Кант утверждал: «Религия, по материи или по объекту, ничем не отличается от морали, т. к. общий предмет той и другой составляют нравственные обязанности; отличие религии от морали только формальное» («Спор факультетов», 1798).

Это формальное отличие состоит, по Канту, в том, что религия побуждает нас смотреть на наши нравственные обязанности не просто как на требование нравственного долга, но как на Божественные заповеди.

Воззрения, по которым самое существенное в религии относится к морали, а все остальное только к форме, высказывались давно. Таково, по существу, учение Будды и Конфуция. В древнегреческой философии стоики считали мораль выше религии. Отождествлял религию с моралью и Л.Толстой.

Для того чтобы понять различие между религиозным и нравственным чувством, следует обратить внимание на психологию этих переживаний и на различие объектов их. Нравственное чувство характеризуется стремлением к нравственно-доброму; религиозное же чувство – к бесконечному, совершенному во всех отношениях, к абсолютному. Цель первого – удовлетворение требования нравственного долга и стремление к нравственному совершенству, цель второго – единение с Богом.

Христианство категорически утверждает, что без помощи Божией невозможно ничего делать и даже просто жить.

«Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5).

«Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Мф. 15, 13).

«Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6).

Таким образом, между религией и нравственностью существует такое же отношение, какое существует между жизнью и деятельностью. Никакая деятельность невозможна без жизни. Религия дает жизнь. И только при условии этой жизни возможна нравственная деятельность.

Только в Боге может быть жизнь. Без Бога жизнь становится умиранием.

Идеал христианской нравственности – религиозный: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

1.4 – Религия и наука

Истинная религия, как и истинная наука, разграничивая сферу своей компетенции, никогда не могут входить друг с другом в противоречие. Если такое противоречие получается, то это означает, что или религия, или наука изменили своим принципам и превратились в псевдорелигию или псевдонауку.

Вера и знание по самому существу своему неотделимы друг от друга. Невозможно предположить, чтобы верующий человек не мыслил о предмете своей веры и не знал, чему он верит; невозможно, чтобы и философ или ученый, исследуя, не верил бы по крайней мере в свой разум.

Знание для религии так же необходимо и законно, как вера для науки. Вера может быть необходима там, где знание недостаточно и бессильно. Познанное верой не должно входить в противоречие со знанием. Правда, это противоречие часто бывает мнимым. Христианская апологетика в вопросах взаимоотношений между религией и наукой и занимается вскрытием этих мнимых противоречий.

Чем более глубоко и основательно человек изучает науки и знает границы их компетентности, чем больше он при этом имеет философского и богословского образования и чем глубже у него развита религиозная вера, тем меньше и меньше для него становится мнимых противоречий между верой и знанием, между религией и наукой. Конечно, вера в религии играет несомненно большую роль, чем в науке. Но это объясняется лишь различием предмета религии и науки, требующего различных методов познания. Предмет науки чрезвычайно элементарен по сравнению с предметом религии. Знание о химическом составе кирпича и значение смысла и цели жизни мира и человека имеют для нас различное значение.

Религия отвечает высшим и сложнейшим запросам человеческого духа, на которые наука совершенно бессильна ответить. Чем выше развита религия, тем больше она воспитывает любовь к знанию, конечно, не к суетному, а к истинному, которое называется духовной мудростью.

Древние отцы и учителя Церкви признавали важное значение даже языческой философии. По словам Климента Александрийского, «древняя философия была делом Божественного промысления (в истории приготовления древнего мира к христианству)... Она необходима была грекам для руководства в правде... детоводительствовала эллинов к Христу, представляя в себе истину, хотя и темно, и не всю, но по частям».

Святитель Василий Великий говорил: «В философском учении была тень откровенных истин, предызображение истины, изображенной в Писании, отражение света Христовой истины, подобно отражению солнца в воде».

О взаимоотношениях веры и знания святитель Василий Великий, который был и великим ученым, и философом, и богословом, утверждал: «В науке вера предшествует знанию».

Святитель Григорий Богослов писал: «Полагаю, что всякий имеющий ум признает благом внешнюю ученость, которую многие из христиан гнушаются по худому разумию, как злохудожною и удаляющею от Бога».

Если великие отцы Церкви относились с таким глубоким уважением к честному научному и философскому знанию, то, в свою очередь, и величайшие ученые с глубоким почтением и благоговением относились к религиозной вере.

Истинное знание несовместимо с гордостью. Смирение есть неперемное условие возможности познания истины. Только смиренный ученый, как и смиренный религиозный мыслитель, помнящие всегда слова Спасителя: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5) и «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6), способны идти правильным путем (методом) к познанию истины. Ибо «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Пет. 5, 5).

Глубоко знаменательно, что на храме Московского университета сияли слова: «Свет Христов просвещает всех».

1.5 – Проблема чуда

Религия признает чудо. Некоторые ученые, недостаточно философски образованные, категорически отвергают возможность чуда и считают, что чудо противоречит законам природы.

Очень часто такие ученые утверждают, что чудеса являются либо выдумкой, либо обманом, либо таким явлением, которое наука не может еще объяснить в настоящее время, но непременно объяснит научно впоследствии; то, что непонятно сегодня, может быть понятно и объяснимо завтра.

Наука, ставящая своей задачей точное объективное доказательство проверенных опытом явлений, вполне права, приходя к явлениям чудесного с попыткой научного его освещения. Несомненно, что часто так называемые «чудесные явления» оказываются вовсе не чудесными. Выдумка или обман в таких случаях законно вскрываются научным методом проверки. Также

несомненно, что многие явления, непонятые в настоящее время, со временем могут быть объяснимы научно. Но проблема чуда заключается не в этом.

Прежде всего необходимо определить, что называется в религии чудом. Чудом называется такое явление, которое не только не объяснимо в настоящее время, но и вообще никогда не может быть объяснимо только с научной точки зрения.

Философская проблема чуда сводится, таким образом, к вопросу: возможно ли чудо? То есть возможно ли такое явление, которое не может быть объяснено с научной точки зрения.

Очень часто атеистически-материалистически настроенные ученые говорят, что всякое явление природы, всякое совершающееся в мире событие может быть объяснено одними только законами природы, без всякой помощи со стороны Бога и чуда. Это не верно. Одними законами природы нельзя объяснить по крайней мере двух обстоятельств: 1) самого существования мира или природы и 2) самих законов природы. Поэтому существование мира и его законов есть чудо.

Нет и не может быть никаких логических препятствий к вере в то, что причиной мира и его законов является Бог, сотворивший мир и законы природы.

Английский философ Беркли по этому поводу дал такое рассуждение. Законы природы, говорил он, суть те способы, которыми Бог управляет миром, и действия законов природы – это действие Самого Бога. Следовательно, Бог может там, где найдет это нужным по Своим замыслам или планам, и отступить от этих постоянных способов Его деятельности в мире, так что произойдет явление, не объяснимое одними лишь законами природы, т. е. произойдет настоящее чудо. Всемогущий Бог может, когда захочет, и изменить «естества чин».

Очень часто приходится слышать о том, что чудо противоречит законам природы. Слово «противоречит» здесь неуместно. Попробуем тщательно разобраться в этом вопросе.

Предположим, что на земле существует все, кроме человека и его сознания. Может ли в таком мире появиться паровоз? Конечно, это невозможно! Но почему? Ведь все составные части паровоза имеются в мире (сталь, медь, железо, дерево, вода и т. п.).

Может быть, благодаря случайности в движении частиц, из которых состоит паровоз, на протяжении огромного количества времени (миллионов лет) и мог бы случайно, сам собою сделаться паровоз? Нет, это невозможно. Действительно, для того, чтобы появился паровоз, необходимо сознание проектировавшего и сделавшего его человека. Без помощи сознания паровоз есть чудо, хотя все элементы, из которых он состоит, имеются в природе. И это чудо (появление паровоза) не противоречит законам природы. Все законы природы остаются не нарушенными. Но они (законы косной, бессознательной природы) преодолеваются новым фактором – сознанием.

Теперь обратимся к самому сознанию. Можно ли объяснить сознание косными бессознательными законами природы? Если эти законы не могли создать паровоза, то тем более они не могут создать несравненно более сложного явления – сознания. Эту нелепость допускают только материалисты, считающие сознание продуктом развивающейся материи.

Нельзя объяснить сознания и им самим. Сознание может создать паровоз, но не может создать самое себя. Следовательно, сознание есть тоже чудо. Для объяснения этого чуда необходимо признать еще более сложное, высшее и совершенное начало, творящее такие явления, как сознание.

Это высшее творящее сознание (высший разум) и есть Бог, верить в Которого ничто не может нам препятствовать.

Если человеческое сознание, вмешиваясь в косную и бессознательную природу и преодолевая ее, может сделать такие вещи («чудеса»), как паровоз, то высший Божественный разум, сотворивший человеческое сознание и косную природу, вмешиваясь непосредственно в косную природу и преодолевая ее (неизвестными нам силами Своего творческого Божественного разума), может сотворить явления гораздо более сложные и более чудесные, например, претворить воду в вино или воскресить мертвого и т. п. При этом законы природы не нарушаются, а преодолеваются.

Итак, чудо не противоречит законам природы, а преодолевает их высшими, нам неизвестными силами.

Когда к Ньютону пришли ученые и выразили недоумение по поводу его веры в будущее воскресение тел, то он ответил следующим образом. Взяв кучу медных и стальных опилок и смешав их, предложил отделить сталь от меди. Затем взял большой магнит и с его помощью быстро отделил стальные опилки от медных.

У Господа Бога, очевидно, есть более сложные и нам неизвестные силы (особые «магниты»), при помощи которых Он может произвести на будущем Страшном Суде воскрешение в телах всех умерших. Ничто не мешало Ньютону в это верить.

1.6 – Религия и искусство

Отношение религии и искусства не есть ни отношение противоречия, ни отношение тождества. Между ними существует родство и своеобразная взаимопомощь. И религия, и искусство возвышают нас и пробуждают в нас стремления к идеальному миру. Но если эстетическое чувство стремится преимущественно к художественному изображению идеального мира, то религиозное чувство жаждет живого общения с Богом – источником всякого совершенства. Эстетическое чувство под влиянием созерцания художественного произведения или красот природы создает лишь безотчетный порыв нашей души к высшему миру; религиозное же чувство открывает нашей душе возможность живого общения с Богом через молитву и Таинства. Подмена религиозного чувства эстетическим есть глубокое и вредное извращение, именуемое в аскетике «прелестью».

Общим в религии и искусстве является то обстоятельство, что они стремятся высказывать идеи не в отвлеченной форме (как, например, в философии и науке), а в конкретном образном выражении.

В религии, как и в искусстве, чистая идея облекается в соответствующий ей чистый и вместе прекрасный покров образа, благодаря чему заставляет и все душевно-телесные чувства человека соучаствовать в духовном созерцании идеи. Догматические и нравственные понятия Церковь не только облекает в высокохудожественные словесные образы и прекрасную музыкальную одежду церковных песнопений, но и символизирует их в благолепии обрядовых форм богослужения.

Если ни одна из древних религий не была чужда символики, то совершеннейшая христианская религия являет собой исключительную по глубине и неисчерпаемую по разнообразию и богатству сокровищницу символических образов, немим языком «тайны будущего века», молчания, выражающих невидимое в видимом.

Философия истории учит нас, что религия была первоначальной колыбелью искусства. Взгляд, по которому религия и искусство признаются принципиально враждебными друг другу, следует признать ошибочным. Эта враждебность начинается только тогда, когда извращается сущность религии (например, в манихействе, считающем материю злой сущностью) или когда форма искусства не соответствует религиозной идее.

Враждебное отношение ко всем видам и формам искусства в их применении к богослужению привело в свое время к иконоборству.

Христианская Церковь не отрицает искусства. Христианство есть религия воплощенного Бога, Христа, в Котором проявилась «вся полнота Божества телесно» (Кол. 2, 9). Освятив плоть и осудив только греховность в плоти, христианство осватило и разнообразные виды искусства для христианского богослужения, осудив только греховность в искусстве. Грех же искусства начинается там, где оно забывает о своем Божественном происхождении и начинает служить злу.

1.7 – Происхождение религии

Рассмотрев отношения религии к нравственности, к философии, к науке и к искусству, мы видим, что религия представляет нечто гораздо более всеобъемлющее, чем все вышеуказанные проявления человеческого духа не только в отдельности, но и в общей их совокупности, ибо религия обнимает их в целостном единстве. Без религии все стремления человеческого духа не имели бы твердой опоры и ставили бы дух человеческий в безвыходные противоречия.

Стремление к истине без веры, что есть абсолютная истина, познание которой возможно через общение ума человеческого с Божественным разумом, превращалось бы в «дурную бесконечность» бесплодной погони за недостижимым или заканчивалось бы еще более бесплодным скептицизмом. Поэзия и другие виды искусства с их порывами к идеальному превратились бы в бесплодную игру мечтаний, если бы религия не убеждала людей в том, что высший идеальный мир действительно существует.

Нравственность без религии не вносила бы в жизнь людей никакого утешения, так как в живом общении с Богом человек получает высшие благодатные средства для нравственного роста и подлинного нравственного удовлетворения. Отсюда ясно, что религия не только не может быть заменена философией, наукой, искусством или одной нравственностью, но что, напротив, без религии все эти стремления лишились бы всякой основы.

Основа эта (сущность религии) – стремление к живому общению с Богом. Но откуда в нас это стремление? Этот вопрос приводит нас к проблеме происхождения религии.

Происхождение религии может быть предметом исторического, психологического и логического анализа. Исторический анализ приводит нас, с одной стороны, к так называемому историческому доказательству истины бытия Божия, путем указания на всеобщность религии, а с другой – к изучению возникновения различных форм религиозных культов, известных исторических религий. Психологический анализ приводит исследователей к неопределенным противоречиям гипотез, обзор которых вовсе не обязателен для апологетики.

Логический же анализ приводит нас к ясному убеждению, что вопрос о происхождении религии не имеет никакого практического значения, ибо для оценки религии совершенно безразлично, каким образом религия произошла. Совершенно не важно, из-за страха или из-за безумия, из-за забавы или из-за озорства, из-за выгоды или из-за других каких-либо оснований возникли какие-нибудь соображения; важно лишь, правильны они или неправильны.

Истинность утверждения не зависит от его происхождения. От того, что « $2 \times 2 = 4$ » сказал сумасшедший или преступник, « $2 \times 2 = 4$ » не перестает быть истиной. И от того, что утверждение «Бог есть» сказано от страха или выгоды, вовсе не зависит его истинность или ложность.

Иными словами, вопрос о том, как произошла религия, не имеет никакого отношения к вопросу о том, истинно или ложно то или иное религиозное убеждение. Что же касается веры в откровение Божие (например, христианской религии), то ей можно противопоставить только веру в то, что откровения нет.

Нет никаких логических препятствий к вере в Бога и Его откровение. Поэтому-то большинство величайших мировых философов, ученых, поэтов и других гениальных деятелей (как это было указано выше) и верят в Бога и откровение (см. Табрум «Религиозные верования современных ученых»).

Этой вере не противоречат научные данные психологии, антропологии, сравнительной филологии и других наук, т. к. они (научные выводы) имеют только гипотетический характер.

Ничто не мешает христианству верить в то, что происхождение религии обусловлено, с одной стороны, прирожденным человеческому духу свойством стремиться к своему высочайшему образу – Богу, а с другой – воздействием Самого Бога на дух человека.

1.8 – Основные истины религии. Истина бытия Божия

Первое место среди основных религиозных истин принадлежит истине бытия Божия.

Возражения против необходимости и полезности рациональных доказательств в пользу религиозных истин сводятся к следующим. Во-первых, эти доказательства считаются невозможными. Во-вторых, если и возможны, то нужными или излишними. В-третьих, не столько полезными, сколько вредными.

Мнение о невозможности теоретических и строго научных доказательств истины бытия Божия и других основных религиозных истин было впервые высказано со всей полнотой критической аргументации немецким философом Иммануилом Кантом в его труде «Критика чистого разума». Особенно же энергично подчеркивали недоказуемость религиозных истин последователи позитивизма.

В основание отрицания возможности доказательств истины бытия Божия иногда вкладывалось неправильное понятие о Боге или неправильное понятие о доказательстве.

По определению Канта, Бог есть олицетворенный умопредставляемый идеал всех возможных совершенств. То есть, иными словами, у Канта нет понятия о живой личности Бога, а есть понятие об идее Бога. Субъективная и отвлеченная идея Бога делает наперед невозможным доказательство его объективно-реального бытия. Но эта невозможность тотчас падает, как только мы на место понятия об отвлеченной идее Бога поставим понятие о Боге как о действительном, реальном Существо.

Иногда в основание отрицания возможности доказательства бытия Божия вкладывается не вполне правильное понятие о сущности самого доказательства. Так, например, некоторые исследователи определили доказательство как вывод из высшего к низшему. Так как выше Бога ничего нет, то и доказательство бытия Божия невозможно. Но здесь дано неправильное определение доказательства. Доказательство бытия Божия является основным не для Самого Бога, а лишь для нас, для нашей веры в бытие Божие. Иногда значение доказательств бытия Божия отрицается на том основании, что они не имеют характера математической очевидности и точности. Но математически точных доказательств вообще очень мало. Кроме них и в философии, и в науке, и в практической жизни употребляются и другие виды доказательств. Да и в самой математике существуют так называемые постулаты, т. е. истины самоочевидные, которые, однако, невозможно точно математически доказать, а следовательно, в них можно и усомниться. Сомнение в пятом постулате Эвклида («через одну точку можно провести только одну прямую, параллельную данной прямой») привело гениального русского математика Лобачевского к открытию новой пангеометрии.

Самая точная и доказательная наука – математика – основывается на аксиомах и постулатах, которые, как и все так называемые самоочевидные истины, не могут быть доказаны и которые принимаются на веру. Глубоко прав святитель Василий Великий, утверждающий, что в науке «вера предваряет знание». Все самое основное и исходное в научном знании недоказуемо и является актом веры. Обычно науки гордятся своей точностью и доказательностью. Но, во-первых, надо не забывать, что наука состоит не только из фактов и «эмпирических данных» (которые еще не дают нам научного знания), но и из спекулятивных построений ума, о которых всегда можно спорить, ибо в них невозможно обойтись без элементов умозрения философского. А во-вторых, кроме точности знания надо различать еще и ценность или значение его. Знание о химическом составе кирпича и о смысле жизни мира и человека, как мы уже указывали выше, имеют для меня различную ценность. Если точные науки не могут математически точно доказать основных религиозных истин и вообще не могут ответить на самые насущные вопросы человеческого духа (например, о цели и смысле жизни), то это показывает только ограниченность научного метода познания, а следовательно, и ограниченность значения науки для человека.

Где бессильно знание – законна вера.

Вера в то, что не может быть доказано, но в то же время и не может быть опровергнуто знанием, совершенно законна.

Отсутствие возможности точного математического доказательства религиозных истин, открывающее законную возможность веры, делает религиозные истины (и прежде всего главнейшую из них – истину бытия Божия) предметом свободной воли человека.

Бог мог бы доказать Свое существование непосредственным явлением в силе и славе Своей, но Он не хочет насиловать свободную волю человека и ждет свободного произволения, свободной веры в Него и Ему. Ничто не мешает человеку подвигом веры придти к Богу, если человек хочет придти к Нему.

С христианской точки зрения невозможность научного математически-точного доказательства бытия Божия и других религиозных истин создал Сам Бог.

Как в науке и в философии имеются различные способы доказательств, более или менее убедительных, которые иногда, не будучи абсолютно точными в математическом смысле, тем не менее являются весьма убедительными соображениями в пользу той или иной теории или гипотезы, так и в религии имеются такие соображения, чрезвычайно убедительные.

Часто высказывается мнение, что после кантовской критики доказательства истины бытия Божия уже не следует больше касаться этой невозможной задачи. На это следует ответить следующее. Во-первых, сам Кант, после критики существующих доказательств, пытался обосновать новый вид так называемого нравственного доказательства. В истории философии известны чрезвычайно многозначительные случаи, когда гениальные философы вновь начинали защищать уже рассмотренные прежде и оставленные положения. Так, например, и онтологическое доказательство бытия Божия, высказанное Ансельмом Кентерберийским, вызывало временами новый подъем к нему интереса и новую аргументацию в его защиту. Такие попытки делали Декарт, Лейбниц – до Канта, и Гегель – после Канта.

Сама критика Канта вызвала не столько потерю интереса, сколько, наоборот, повышение интереса к доказательствам бытия Божия. Известна и веская антикритика Канта и его опровержений

(в сочинениях, например, Ульрици «Бог и природа» и «Бог и человек», в курсе профессора Н.П.Рождественского «Христианская апологетика» и других).

Собственно говоря, критика Канта вовсе не целиком опровергает доказательства бытия Божия, а только указывает, что эти доказательства не имеют характера математически точных научных доказательств.

Относительно убедительности доказательств вообще следует вспомнить замечания Паскаля («Мысли о религии») о том, что если бы геометрия затрагивала человеческие страсти, то нашлись бы люди, которые бы стали возражать против самых очевидных геометрических положений. Противоречия и возражения против самых ясных и убедительных доказательств встречаются в практической жизни очень часто там, где затрагиваются человеческие страсти.

В политической, религиозной, философской и даже научной полемике очень часто мы встречаемся с этим явлением.

Очень часто весьма убедительные доказательства, не убеждающие упрямого оппонента, убеждают стороннего слушателя, присутствующего при споре и объективно взвешивающего аргументы спорящих.

Иногда можно услышать возражения против доказательств бытия Божия в такой форме: верующему доказательства не нужны, а атеиста они все равно не убедят. Если перед нами атеист, у которого в основе его убеждений лежит нежелание верить в Бога, то такого атеиста убедить нельзя.

Если же перед нами будет атеист, который по недоразумению, по недостатку образования считает свой атеизм научно доказанным, то такого можно переубедить.

Не всякий верующий человек не интересуется и рациональными доказательствами религиозных истин, в которые он верит. Ярким примером является та молитва, которую глубоко верующий ученый и философ епископ Ансельм Кентерберийский предпослал своему так называемому онтологическому доказательству истины бытия Божия: «Господи! Да даруешь вере премудрость; дай и мне мудрость познать, что Ты существуешь, как я этому верю, и что Ты то само, что говорит о Тебе моя вера».

Любовь не только созерцает, но хочет и знать свой предмет. Любящий Бога законно хочет Его познать всеми силами своего духа, силами, вложенными в нас Самим Богом; в числе этих сил, дарованных нам Богом, имеется и честный разум.

Некоторые исследователи считают, что отсутствие одного основательного и убедительного доказательства бытия Божия и замена такового несколькими доказательствами свидетельствует о слабости этих последних. Это глубоко неверно!

Как купол здания зиждется не на одном основании, но одновременно на многих, так и доказательство истины бытия Божия зиждется на совокупности нескольких отдельных частных доказательств.

Священное Писание мало и редко говорит о том, что называется доказательством бытия Божия, считая эту основную религиозную истину настолько самоочевидной, что отрицающего его квалифицирует как безумного («Сказал безумец в сердце своем: нет Бога» – Пс. 13, 1). К сожалению, авторитет Священного Писания имеет свое полное значение только для верующих, для скептиков же оно не имеет никакого значения.

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению так называемых доказательств бытия Божия.

1.9 – Доказательства бытия Божия

Космологическое доказательство бытия Божия одно из самых древних и в простой наглядной форме нередко встречается в Священном Писании, часто указывает на творение как на очевидное свидетельство о бытии Творца мира: «Небеса проповедуют славу Божию и о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18, 2), «Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1, 20).

У святых отцов Церкви космологическое доказательство бытия Божия раскрывается у святителя Афанасия Великого в форме заключения от творения к Творцу; у святителя Василия Великого и у святителя Григория Богослова – в качестве опровержения мнения о случайном происхождении и сохранении мировых законов; у святого Иоанна Дамаскина – в виде

умозаключения от изменяемого к неизменяемому. В истории философии древнейшее высказывание в защиту космологического доказательства мы встречаем у Аристотеля (как заключение от движения, замечаемого в мире, к бытию Перводвигателя). У Лейбница это доказательство сводится к форме заключения не от движения к Перводвижителю, а от условного к безусловному. У философа Вольфа оно сводится к умозаключению от случайного к необходимому.

Космологическое доказательство обычно опирается на два логических закона: закон причинности и закон достаточного основания. Первый требует признания первопричины мира, а второй утверждает, что ничто, кроме высочайшей премирной причины, не может быть признано на достаточном основании истинною первопричиною мира.

Все в мире имеет свою причину. Каждая причина, в свою очередь, является следствием другой причины. При этом все в мире имеет причину своего бытия вне себя. Ничто не самобытно. Поэтому и весь мир, как целое, тоже не самобытен и должен иметь причину своего бытия, причем эта причина должна быть вне этого мира. Такой причиной может быть только премирное высочайшее Существо – Бог.

Это доказательство было предметом критики Канта и многих других философов. Главное возражение против этого доказательства сводилось к тому, что у нас нет достаточного основания искать причину мира явлений в ином, сверхчувственном мире, может быть, закон причинности действителен только в мире явлений. Затем, по мнению Канта, нет также достаточного основания отрицать возможность самобытности мира явлений.

Современная физика в лице гениальных ученых Планка и Джинса категорически отрицает возможность самобытности мира явлений и тем самым вновь реабилитирует в достаточной степени космологическое доказательство. Что же касается вопроса о причинности, то если нет безусловной необходимости признавать ее действующей в сверхчувственном мире, то нет никакой безусловной необходимости и отрицать ее там.

Некоторые исследователи указывали, что космологическое доказательство не доказывает личного Бога. Это верно. Космологическое доказательство на это и не претендует. Оно утверждает только, что есть достаточные основания к признанию премирной высшей творческой силы, от которой зависит происхождение мира, и что эта сила имеет реальное бытие.

б) Телеологическое доказательство

Телеологическое доказательство бытия Божия сводится к утверждению необходимости из целесообразности устройства мира сделать заключение о бытии Разумного Существа, устраивающего эту целесообразность. Если космологическое доказательство сосредотачивается на исследовании первопричины мира, то телеологическое интересуется по преимуществу конечной целью. Оно рассматривает мир не как только нечто существующее и нуждающееся в объяснении своего возникновения, но как нечто цельное, гармоничное, художественное, стройное, целесообразное, указывающее на мудрость Виновника этой целесообразности.

Космологическое доказательство требует признать Бога как премудрую, могущественную творческую силу, способную создать мир; телеологическое же доказательство требует признать Бога как Разумную Личность, способную целелогагать и благоустроить созданный мир. Оба доказательства взаимно дополняют друг друга. Телеологическое доказательство не больше космологического и нуждается в нем. Ибо, как в свое время на это справедливо указал Кант, телеологическое доказательство не доказывает Творца мира, а лишь Творца благоустроенной целесообразности в мире, который мог сосуществовать в виде косной и бесформенной материи наряду с Богом вечно.

Возможно, и существует такое мировоззрение, согласно которому и Бог и материя существовали вечно, а затем Бог преобразил совечную ему материю в целесообразный мир. Бог понимается при этом как Демиург (устраивающий мастер) мира, а не как Творец мира из ничего. Но христианство категорически утверждает, что Бог создал мир из ничего. Существование совечной Богу материи невозможно, ибо в таком случае Бог не был бы Абсолютом.

Современная физика (Планк, Джинс и другие) также утверждает, что материя не может быть вечной. Космологическое и телеологическое доказательства двуедины. И только в синтезе их заключается доказательство Бога как Абсолютной Личности.

В древней философии многие философы признавали (например, Сократ и Платон, а прежде их еще и Анаксагор) телеологическое доказательство как одно из самых сильных и убедительных аргументов в защиту существования Высшего Разума. Вообще же телеологическое доказательство

называется по преимуществу библейским, так как Священное Писание часто обращается к целесообразному устройству мира как наглядному доказательству мудрости Творца. Так, например, в псалмах Давида мы находим много созерцания красот мира с умозаключением от них к Божественной мудрости.

Телеологическое доказательство можно подразделять на два главных вида: 1) так называемое физико-телеологическое, умозаключающее от целесообразности и планообразности внешнего мира к разумному Виновнику его и 2) историко-телеологическое, умозаключающее от разумного хода исторической жизни человека к разумному Правителю судьбами человечества. Православная Церковь иногда называет Бога «Начальником жизни».

Возражения против телеологического доказательства обычно идут в трех главных направлениях: 1) отрицание целесообразного устройства природы; 2) объяснение целесообразности случайностью; 3) отрицание сознания и личности в Виновнике целесообразности мира.

По первому пункту критика сводится на указание некоторых частных явлений мира, не имеющих целесообразности. На это можно ответить, что мы не знаем, не понимаем, не видим иногда цели и смысла некоторых частных явлений, но это не значит, что цели и смысла этих явлений вообще нет. При этом общая целесообразность природы никак отрицаться не может. Исключения чрезвычайно незначительны и могут быть просто невыясненными целесообразностями (с точки зрения высшего, нам недоступного плана и непонятных нам целей).

Объяснение целесообразности простой случайностью не выдерживает строй критики. Если целесообразность машины (например, паровоза) не может быть объяснена случайностью и требует признания наличия сознания, создавшего эту целесообразную машину, то тем более целесообразность самого сознания и, наконец, целесообразность всей вселенной невозможно объяснить случайностью.

Если предположить, что этот вопрос неразрешим точным знанием и подлежит только вере, то вера в причинную целесообразность, конечно, имеет гораздо более достаточных оснований, чем наивная и противоречивая вера в беспричинную целесообразность. Кратко говоря, план, цель и смысл (которые можно вскрыть при анализе целесообразных явлений мира) для нормального сознания следует считать явлениями первичными, предварительными, а не вторичными, последующими.

Последнее возражение, отрицающее разумность и личность Бога и сводящее причину целесообразности к слепой бессознательной воле, также не выдерживает серьезной критики. Только разумному, сознательному, личному Существу может быть обязано своим происхождением целесообразное творение.

Наблюдая целесообразное устройство мира, мы заключаем о сознательном Виновнике мира, с умом, которому предносилась идея целесообразного устройства мира, с волей, которая стремилась к осуществлению этой идеи, и с силой, которая осуществила эту идею в реальном бытии мира.

Некоторые критики указывают на инстинкт животных как на пример целесообразного действия без сознающего цель Виновника. Они говорят: «Инстинктивная деятельность животных происходит без цели». Это неверно. Животное действует без сознания цели своего действия, но не без цели. Животное действует сообразно с несознаваемой им целью; точно так же и жизнь природы вообще развивается сообразно с несознаваемой ею целью.

Но из этого следует только то, что виновниками целесообразных действий животных и вообще природы не являются сами животные и сама природа, а вовсе не то, что нет никакого Творца, сознательно назначившего цели, которые несознательно осуществляются в бессознательной природе.

Историко-телеологическое доказательство бытия Бога Промыслителя наиболее спорно. Доказательство это, сводящееся к пониманию глубокого смысла истории человечества, доступно не многим. Кому оно доступно, для того это доказательство чрезвычайно убедительно.

в) Онтологическое доказательство

Онтологическое и нравственное доказательства бытия Божия называются внутренними доказательствами, т. к. заимствуются из нашего внутреннего опыта, в отличие от внешних, т. е. заимствованных из внешнего опыта, доказательств космологического и телеологического.

Значение внутренних доказательств чрезвычайно важно, так как без них не имели бы силы доказательства внешние. Не будь первых, не было бы потрачено столько сил на вторые. Не будь у нас в сознании идеи Бога и внутренней убежденности в Его реальности, вместе с огромным

практически важным нравственным значением этого убеждения, мы не имели бы импульса к тщательным доказательствам бытия Божия во внешнем опыте.

Онтологическое доказательство бытия Божия впервые было сформулировано в XI веке западным ученым богословом архиепископом Ансельмом Кентерберийским. Автор этого доказательства считает его не плодом своего ума, а полученным при помощи высшего вдохновения. Основная мысль этого доказательства заключается в том, что в присущей нам идее высшего, всесовершенного и бесконечного существа необходимо включается и идея о реальности этого существа, ибо всесовершенное не может быть не реальным!

Критики, особенно Кант, считают неправомочным от мышления о Боге заключать о Его бытии. «Так заключать, – говорит Кант, – нельзя, потому что у нас могут быть (и бывают) мечтательные представления, которым не соответствует бытие действительных предметов».

Но это возражение, еще задолго до Канта, предусмотрел гениальный французский философ и математик Декарт. Анализируя химерические, условные и безусловно-необходимые представления, Декарт приходит к заключению, что идее о существе совершеннейшем принадлежит именно безусловная необходимость. Защищал онтологическое доказательство Лейбниц и Гегель. Последний, возражая Канту, приводил следующие соображения. Онтологическое доказательство вовсе не утверждает, что всяким представлением необходимо предполагается бытие представляемого. Оно не выводит бытия всесовершенного из понятия о нем, но настаивает, что в понятии о всесовершенном уже содержится понятие о бытии. Мы не можем мыслить всесовершенного существа не существующим, как не можем мыслить треугольника не треугольным.

Таким образом, онтологическое доказательство может быть окончательно сформулировано так: из того, что в духе человеческого существует идея о существе, которое с полнотой совершенств соединяет и реальное бытие, необходимо следует, что существо это должно существовать не в уме только, но и на самом деле.

г) Нравственное доказательство

Нравственное доказательство бытия Божия может быть практического и теоретического характера.

Практическое нравственное доказательство сводится к указанию на тот факт, что вера в Бога содействует улучшению нравственности, тогда как вера в атеизм обычно приводит к падению морали.

Попытки доказать, что атеизм, наоборот, способствует улучшению нравственности, нелепы и не подтверждаются практикой жизни. Многие защитники атеизма, признавая благотворность религии для морали, высказывали мысль, что это вовсе не доказывает истинности религии. Однако весьма странно, что в таком случае получается парадоксальное положение: ложное убеждение (вера в Бога) приводит к улучшению морали, тогда как истинное убеждение (вера в атеизм) способствует развращению нравов. Не следует ли вместо софистических ухищрений признать истинность религии и ложность атеизма ввиду того, что первая содействует улучшению нравственности, а второй, наоборот, ее губит?

Указание на то, что существуют атеисты, которые живут нравственно, не опровергает общего заключения о нравственной пользе религии. Дело в том, что многие люди в своей практической жизни не следуют своим теоретическим убеждениям. Это противоречие между теорией и практикой и приводит к тому, что некоторые, теоретически исповедующие атеизм, в своей практической жизни следуют правилам христианской морали. Но там, где существует полное согласие между теорией и практическими действиями, где нет разлада и противоречия между теорией и практикой, основанной на этой теории, не может быть и речи о нравственно-добром поведении атеиста.

Иногда атеисты указывают на то, что верующие люди живут в постоянном страхе перед всемогущим Повелителем – Богом за свои проступки, тогда как свободный от религиозных убеждений атеист этого страха не испытывает. На это можно возразить следующим образом. Страх нравственной ответственности перед Богом есть страх чрезвычайно благодетельный. Этот страх появляется у человека не тогда, когда он живет нравственной жизнью, а только тогда, когда он совершает безнравственные поступки, нарушающие нравственный закон, данный, по убеждению верующих, нам от Бога. А с другой стороны, разве нет страха и у атеиста? Если жизнь не имеет смысла и цели и все происходящее зависит от простого случая равнодушно жестокой природы, то не появляется ли у человека страха перед этими неумолимыми жестокостями случайностей, от которых целиком зависит вся жизнь? И наоборот, не содействует ли успокоению убеждение религиозного

человека в том, что Сам Всемогущий Бог, Который понимается как любовь и высшая справедливость, оберегает человека и ведет его к вечному благу?

Теоретические или так называемые научно-философские способы нравственного доказательства бытия Божия сводятся к двум главным формам.

До Канта нравственное доказательство бытия Божия и в богословии, и в философии излагалось в форме заключения от нравственного закона, имеющегося во всяком нормальном сознании, к бытию Бога как Творца и законодателя этого закона. Кант дал нравственному доказательству иное обоснование.

В своей критике он утверждал, что от наличия нравственного закона нет достаточных логических оснований заключать о бытии Законодателя. Но для гармонии между добродетелью и блаженством, чего требует наше нравственное сознание, необходимо признать Бога, ибо эту гармонию осуществить и вполне реализовать может только один Бог.

В обеих своих формах (до кантовской и кантовской) нравственное доказательство имеет свою силу; эти формы не только не исключают, но, напротив, взаимно дополняют друг друга.

Тщательный анализ нравственного сознания человека показывает нам, что, имея свободу действий, человек испытывает после совершения безнравственных актов угрызения совести и, наоборот, после исполнения требований нравственного закона испытывает духовное удовлетворение от сознания выполненного долга.

Иными словами, свобода человеческой воли ограждается от произвола наличием выше ее стоящего нравственного закона, который одобряет или порицает ее действия. Человек, имеющий свободную волю, тем не менее чувствует над собой этот закон как безусловную повелевающую силу. Следовательно, не сам человек создал этот закон и поставил над собою.

Нельзя вывести нравственный закон и из каких-нибудь иных сторон человеческой природы.

Но если нравственный закон не создан человеком и не может быть выведен из чего бы то ни было условного и случайного, но заложен в человеческом духе как безусловное высшее требование, то его происхождение можно объяснить только тем, что он заложен высшим безусловным существом – Богом и представляет собой ни что иное, как голос Божий в душе человека, внутреннее откровение в человеческом духе святой и безусловной Божественной воли.

Что касается кантовского обоснования нравственного закона, то оно формулируется самим автором таким образом: «Мы сознаем в себе нравственный закон, требующий от нас исполнения долга без всякого искания корысти, пользы или удовольствия; вместе с тем мы сознаем в себе потребность достигать высшего блага. Хотя в своих нравственных поступках мы не должны руководствоваться своекорыстными представлениями о награде, но в нашем духе есть неперемнное требование, чтобы добродетели принадлежала достойная награда, а пороку – достойное наказание. Это есть закон правды. Требование, чтобы добродетель награждена была соответственной мерой счастья, так глубоко заложено в нашем духе, что мы никак не можем изгладить его в себе. Соединение чистейшей нравственности с совершенным счастьем или блаженством и составляет высочайшее благо, к которому дух человека стремится в силу самой нравственной природы своей. Но соединение счастья с добродетелью в равной совершенной мере не зависит от нас самих. От нашей свободы зависит устройство нашей нравственности, а счастье не зависит от нашей власти. И опыт показывает, что добродетель в настоящей жизни большей частью не вознаграждается заслуженным счастьем. Между тем нравственное наше сознание необходимо требует, чтобы добродетель неразлучно была со счастьем и из этого союза добродетели со счастьем происходило бы верховное благо. Если не во власти человека установить союз между добродетелью и счастьем, то должно быть другое нравственно-доброе Существо, которое хочет и может сделать это, т. е. наградить добродетель достойным ее счастьем. Такое Существо и есть единый Бог».

Кант высказывал свое доказательство еще и таким образом: «Природа не может установить согласия между добродетелью и счастьем. Это побуждает нас признать бытие причины, отличной от природы и не зависящей от нее. Эта причина должна обладать не только силою и могуществом, но и разумом, быть такой силою, которая и по мощи, и по воле, и по уму выше природы. А такое Существо есть только Бог. Он и хочет и может утвердить союз между добродетелью и счастьем».

Из своих доказательств Кант выводит совершенства Божии. «Как хотящий высочайшего блага, Бог должен быть Сам высочайшим благом, исполненным святости; как могущий сочетать добродетель со счастьем, Он должен быть всемогущим, всеведущим, премудрым и т. д., и, во всяком случае, Существом личным».

Недостаток кантовской аргументации заключается в том, что он отделяет понятие добродетели от понятия счастья (или блаженства), а потому и мздовоздаяние понимает как нечто внешнее, тогда как, по христианскому нравоучению, истинная добродетель в самой себе находит награду и не нуждается ни в каком внешнем возмездии.

Еще и в дохристианской философии мы находим такое понимание добра. «Добродетель есть счастье», – учил Сократ.

Гегель в своей критике кантовского нравственного доказательства совершенно справедливо отмечает, что «добродетель, вследствие своей целесообразной деятельности, непосредственно приносит с собою самонаслаждение и самоудовлетворение».

Сам Спаситель сказал относительно добродетели, которая не может быть осуществлена без нравственного усилия и труда, обусловленных требованием свыше, а потому являющихся для свободы человека неким игом, следующие ясные и истинные слова: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 29–30).

Иго Христа есть благо, т. е. христианская добродетель уже в самой себе является блаженством.

Соединяя все виды и формулировки нравственного доказательства бытия Божия, мы можем прийти к следующему обобщенному выводу. Существование нравственного закона, заключающегося в требовании нравственного добра, которое уже в самом себе заключает величайшее духовное благо и которое невозможно ни объяснить, ни осуществить без помощи свыше, является теоретическим доказательством бытия Божия, получающего полное оправдание при практической его проверке нравственной жизнью по заветам Христа.

д) Общий результат доказательств истины бытия Божия

Истина бытия Божия, окончательно принимаемая при помощи веры, имеет чрезвычайно убедительные и рациональные основания, позволяющие нам утверждать неопровержимую законную, логическую возможность этой истины (логический закон «достаточного основания»).

Невозможность никакими логическими соображениями опровергнуть этой истины, как и невозможность математически точно ее доказать, методологически оправдывает применение к ней веры как акта свободной человеческой воли.

1.10 – Истина бессмертия души

Вера в бессмертие души обычно у всех народов тесно связывается с религией и составляет существенную часть почти всех известных в истории религий. Это указывает на то, что идея бессмертия души своими корнями уходит в религиозное сознание человека. По мнению многих глубоких мыслителей как древности, так и нового времени (Сократ, Платон, Декарт, Паскаль), идея бессмертия должна быть признана врожденной человеческому духу.

Религиозное убеждение, что союз, соединяющий Бога с человеком, не может уничтожиться после смерти человека, но есть союз вечный, принадлежит к самым твердым убеждениям религии, без которого она не имела бы жизненной силы. Вера в бессмертие такая же древняя, как сам человек и его религия.

В защиту этого верования имеются и соображения разума. Эти соображения и называются доказательствами бессмертия души и подразделяются на теологическое, философское, нравственное и историческое (из всеобщности веры в бессмертие у всех народов).

Теологическое доказательство выводится из свойств Божиих, главным образом из свойств Его Личности: благодати, правосудия и всемогущества.

Философское доказательство выводится из свойств или природы самой души.

Нравственное доказательство основывается на требованиях нашего нравственного сознания.

Историческое выводится из истории человечества.

Для верующих в Бога людей самыми убедительными доказательствами бессмертия души являются доказательства теологические. Если Бог есть живая Личность, обладающая свойствами всемогущества, всеблагодати и безусловной справедливости, то, создавая людей, Он не мог их создать лишенными бессмертия. Поэтому сознание верующего человека имеет непоколебимое убеждение в истине бессмертия души. Если есть Бог, то есть и бессмертие.

Философское доказательство бессмертия души дополняет теологическое и приходит на помощь верующему, когда ему начинают возражать со стороны теорий, отрицающих личного Бога (материализм, атеизм, пантеизм).

Душевные и физические явления представляют собой нечто существенно разнородное, не сводимое одно к другому. Как из душевных свойств нельзя вывести свойств физических, так и из физических свойств нельзя вывести свойств психических. Какие химические или физические, вообще материальные свойства можно найти в таких психических проявлениях, как вера, надежда, справедливость, любовь, милость и т. п.? С материалистической точки зрения совершенно невозможно объяснить психические явления. Сознание человека представляет собой целостное единство, тогда как мозг, к которому материалисты хотят свести сознание, представляет собой множественность материальных частиц. Мозг есть только инструмент, которым пользуется душа, но не есть сама душа.

И, когда уничтожается мозг и вообще человеческое тело, то нет никакого логического основания утверждать, что с ним должна уничтожиться и душа. Она может не проявляться в умершем теле и в разрушенном мозгу, но может существовать отдельно от тела и от мозга.

Из того, что тело не может жить отдельно без души, совершенно не вытекает, что душа не может жить без тела в ином мире, который не известен нам, но существования которого мы не имеем основания отрицать. Мы можем верить в существование инобытия, иного мира, духовного, или можем не верить в него (т. е. верить, что его нет).

Нашей вере ничто не может помешать.

Утверждая, что психическое отлично от физического, мы имеем на это гораздо более оснований, чем утверждая, что психическое есть физическое. И утверждая, что душа может жить без тела, мы опять-таки имеем на это больше оснований, чем предполагая разрушение души при разрушении тела.

С материалистической точки зрения, отрицающей существование души как отдельного начала (так называемой субстанции, выражаясь философским языком), невозможно объяснить факт постоянного тождества нашего самосознания. Если наши душевные явления представляют собой только соединение материальных частиц, то как можно объяснить тождество нашего самосознания во всю нашу жизнь при несомненно существующей в нашем организме смене материальных частиц? Поэтому в высшей степени невероятно, чтобы основой нашей личности была постоянно сменяющаяся в них материя.

Нравственное доказательство бессмертия души сводится к указанию на то, что человек, представляющий собой разумную нравственную личность, не может иметь временного только значения в течение жизни на земле. Цель и нравственное назначение человека состоит в том, чтобы он, как личное существо, достигал полноты личного духовного совершенства и становился в должное отношение к вечному личному Богу. Следовательно, его назначение не может оканчиваться во времени.

Отрицание Бога и бессмертия души превращает человека в высококвалифицированного скота. Вера же в Бога и в бессмертие души, которой ничто помешать не может, ставит перед человеком возможность бесконечного совершенства, до слияния с Богом.

«Будьте совершенны как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48) – вот идеал, поставленный человеку Самим Богом.

Часть II

2.1 – Значение естественных религий

При общем обзоре языческих естественных религий мы приходим к выводу, что все эти религии представляют собой историю естественного развития религиозного сознания древнего человечества. Каждая отдельная религия зафиксировала какую-нибудь одну сторону этого развития, наиболее близкую духу своего народа. Полного же выражения истинной сущности религии не представляет не только ни одна из них, но и все они вместе взятые. Каждая отдельная религия имела свои истоки, расцвет и упадок. Истоки всех религий свидетельствуют о том, что прарелигия представляла собой идею монотеизма. Расцвет религии часто предварялся индивидуальностью реформатора (Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Зороастр). Упадок же религии большей частью относился

к позднейшим временам, когда каждая отдельная религиозная система древности изживала свое содержание. Отмирание религии (если не всего культа и обрядов, то самого духа, самой сущности) ярче всего свидетельствует об отсутствии в ней подлинного откровения.

Если в китайской религии божество почти совсем не отличается от мира, в индийской религии оно представляется чем-то отличным от мира, хотя еще безличным и не вполне отдельным. В персидской религии уже имеются тенденции к идее личного божества. И наконец, в религии греков и римлян личность становится необходимым условием божества.

У греков и римлян уже нет той подавляющей силы подчинения человека внешней природе, которая характерна для древнего Востока. Нет и кровавых культов древневосточного язычества.

Ввиду этого нельзя видеть в древних языческих религиях только ряд сплошных заблуждений. Святые отцы считали, что языческий мир не был исключен Промыслом Божиим из круга Божественных забот. Не имея сверхъестественного откровения, языческий мир не лишен был откровения естественного. При правильном употреблении естественных способностей своего духа человек может иметь определенные знания и о Боге, и о мире, и о самом себе. При этом, имея врожденную идею о Боге в своем уме и врожденное знание о Божественной воле в своей совести, человек был способен осознать ограниченность своего знания и с самоотречением духовным обратиться за помощью свыше.

Однако всех возможностей естественного религиозного развития язычество не использовало. Языческая религия могла быть значительно выше и чище.

Со строго религиозной точки зрения языческие религии навсегда останутся памятниками, свидетельствующими не только о слабости человеческого ума и бедности духовного чувства, но и о наличии роковой порчи человеческой воли. Поэтому апостол Павел считает ответственными перед лицом Божественной правды не только иудеев, имевших закон, данный через сверхъестественное откровение, но и язычников, не имевших такого откровения.

Доля истины, имевшаяся в каждой естественной религии, смешана с массой заблуждений.

Все системы древних религий повинны в искажении и теоретических и практических начал истинной религии и нравственности. Мы не находим среди них ни одной, в которой правильно бы давалось понятие о Боге, о мире и о духовной природе человека.

Религии язычества не возвышали своих последователей до разумного служения Богу. Между самыми выдающимися и гениальными мыслителями древности мы не видим никого, кто научил бы людей религиозной истине. Наиболее выдающиеся по уму и нравственным качествам мыслители открыто признавали свое полное бессилие выполнить такую задачу.

Высшим и лучшим достижением древнего человечества можно признать заявление Сократа и Платона о том, что нет ничего важнее истинного познания о Боге, которое может дать только Сам Бог. На языке современной мысли это означало теоретическое признание безусловной ограниченности человека в деле познания истины и признание Божественного откровения как единственного возможного способа познать эту истину.

2.2 – Христианское учение об Откровении

Слово «откровение» означает сверхъестественное открытие Богом непознаваемых истин людям. Человек есть часть мира. Мир создан без участия человека. Человек ограничен временем своего рождения и смерти и пространством своего пребывания. Как часть не может познать целого, так и человек не может познать всего. Он не может сам, собственными силами ума постичь ни первопричины всего существующего, ни смысла своей и мировой жизни, ни цели вселенной. Эти вопросы, которые встают и требуют разрешения в сознании каждого человека, неразрешимы человеческим умом. Единственный возможный способ разрешения этих и многих других насущнейших духовных запросов заключается в откровении. Если Бог захочет открыть людям эти непознаваемые истины, тогда и только тогда человек сможет познать их.

Бог захотел этого и открыл людям истину. Он послал на землю своего Единородного Сына, Господа нашего Иисуса Христа, Который принес людям истину, способ ее познания (метод или путь познания истины) и подлинную жизнь (ибо без помощи Божией не может быть вечной жизни). «Я есмь путь и истина и жизнь», – сказал Христос (Ин. 14, 6).

В другом месте Он сказал: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5).

Никто никогда не говорил так, как имеющий власть открывать истину.

Христос есть полнота богооткровенной истины. Его устами говорил Сам Бог, каждое слово Его было абсолютная чистая истина. Ибо Сам Он, Спаситель мира, был Сын Божий, был истинный Бог.

Откровение совершалось постепенно. Господь открыл Себя и Свою волю не сразу. Сначала Он дал, через чудесные и дивные явления природы и ее законов, так называемое естественное откровение. Затем дал сверхъестественные откровения через духоносных пророков и через чудесные явления в человеческой истории. И наконец, дал полное благовестное откровение в Сыне, Богочеловеке Христе.

В состав всякого сверхъестественного откровения непременно входит: предсказание будущего, раскрытие тайн Божиих и разъяснение таких религиозно-нравственных истин, которые превышают все возможности и способности человеческого познания.

Откровение природы (как окружающей человека, так и самого человека, главным образом его сознания) говорит о том, что вне человека, над ним, т. е. выше его, есть причина, сила и мудрость творческого начала, свидетельствующая о наличии Высшего Существа, имеющего характер личности, т. е. что существует Бог. Все так называемые доказательства бытия Божия есть результат этого естественного откровения.

Честный и нормальный человеческий ум через рассмотрение природы мира и природы собственного сознания приходит к убеждению в существовании Бога. И только лукавый или ненормальный ум может Его отрицать.

«Сказал безумец в сердце своем: нет Бога» (Пс. 13, 2; 52, 2)...

Но кроме убеждения в существовании Бога, человек желает и личного с Ним общения.

Религия начинается не с признания Бога (это, собственно говоря, задача философии), а с общения с Ним. Это общение человека с Богом невозможно без помощи Божией. Вот эту помощь-то и дает так называемое сверхъестественное откровение.

Кроме подразделения откровения на естественное и сверхъестественное, различаются еще и другие виды откровения: непосредственное и посредственное, внешнее и внутреннее.

Непосредственное откровение есть сообщение Самим Богом тех или других религиозных истин избранникам-людям (например, пророку-боговидцу Моисею).

Посредственное откровение бывает тогда, когда оно сообщается людям через боговдохновенных лиц (например, пророков) или высших разумных существ – Ангелов (например, благовестие Деве Марии).

Внешним откровением называется самый факт сообщения истины, а внутренним – факт усвоения сообщенного. Для последнего необходимо сверхъестественное вдохновение, которое обычно определяется словом «боговдохновение».

Обычно «боговдохновенностью» обозначается сверхъестественное воздействие Духа Божиего на пророков и апостолов, под наитием Которого они правильно изъясняли сообщенные им откровения и верно излагали их в священных книгах. Такие священные книги получали наименование «боговдохновенных».

О природе откровения часто высказывались и высказываются ложные воззрения. Их необходимо разоблачить. Знаменитый философ еврей Филон Александрийский и некоторые христианские сектанты древности (например, так называемые монтанисты) высказывали взгляд, что для восприятия откровения необходимым условием следует признать особое состояние бессознательного экстаза. В новое время подобный взгляд был высказан в протестантском богословии XVII–XVIII веков. По этому учению, лица, сподобившиеся быть провозвестниками Божественных откровений, сами не сознавали этих откровений, а воспринимали их пассивно и были только техническими передатчиками Божественной благодати. Это учение глубоко ложно. Самое понятие откровения предполагает принимающий его разум. Отнимать свет разума у человека в момент откровения нет никакого основания, ибо сам разум дан человеку Богом именно для познания истины!

Крайне рационалистические взгляды на природу откровения сводятся к отрицанию возможности сверхъестественного откровения и попыткам свести его к откровению только естественному. Все эти попытки оказываются бесплодными, ибо приводят к неразрешимым противоречиям. Анализ понятия абсолютной истины приводит к дилемме: либо такая истина непостижима, либо может быть только богооткровенной и сверхъестественной.

Пантеистическое понятие об откровении фактически сводится к отрицанию откровения. Если природа есть Бог, то Ему некому и не в чем открываться. В философских пантеистических системах откровение понимается как самооткровение Бога в человеческом духе. По учению, например, Гегеля, абсолютный дух вечно и разнообразно открывается в разнообразных видах (в природе, в человеческом духе, в истории человечества); он открывается не человеку, а в человеке, приходя в нем к самосознанию. Таким образом, знание человека о Боге, в сущности, есть знание Бога о Себе Самом.

В истории новейшей философии были попытки построения целых сложных теорий об откровении.

Одной из таких теорий, получивших значительное распространение, была теория немецкого философа Шлейермахера, жившего в первой половине XIX века. Шлейермахер считал чудом всякое жизненное явление, ибо ни одно явление жизни не может быть до конца понято. Расширяя так понятие чуда, он тем самым отрицал явления чудесного, как его понимает христианство. Откровением Шлейермахер признавал всякое новое, выдающееся явление человеческого духа, свойственное гениям. Таким образом, сверхъестественное, по его мнению, есть то же естественное, только чрезвычайно редкое и исключительное по значению в человеческой жизни.

Эта смесь деизма с пантеизмом полна противоречий. Произвольно и чрезмерно расширяя понятия чуда, откровения, вдохновения, Шлейермахер делает их расплывчатыми и ничего не объясняющими.

Часто среди философов нового времени высказывалось сомнение в возможности сверхъестественного откровения. Проблема сверхъестественного откровения по существу упирается в проблему чуда вообще. Если возможно чудо (см. главу о проблеме чуда), то возможно и сверхъестественное откровение. Вера в него зависит от доброй или злой воли человека. Истинность откровения, кроме рационалистического обоснования, окончательно доказывается прагматически, опытным путем христианской жизни.

Вопрос о критерии истинного откровения принадлежит к числу серьезных вопросов апологетики христианства, а потому и подлежит более тщательному рассмотрению.

2.3 – Критерий истинного откровения

Если в учении, претендующем на откровение, содержатся явные противоречия самому себе или элементарным нравственным требованиям, то не может быть сомнения, что это учение не есть истинное откровение. Если же в учении мы находим возвышенное религиозно-нравственное указание, производящее исключительно благотворное влияние на духовную жизнь человечества, то это служит одним из очень серьезных доводов в пользу истинного откровения. Так, например, Тертуллиан в своей «Апологии» указывал на необычайно нравственно-благотворное действие христианского учения как на доказательство его Божественности. Святой Климент Александрийский указывал на истинное просвещение, распространенное через христианство во всем мире, как на признак его Божественного происхождения. Откровение новых истин, служащих стимулом для религиозно-нравственного развития человечества, также, конечно, свидетельствуют об истинности откровения.

На возрождение к новой жизни как на признак истинного откровения указывает святой апостол Павел, говоря: «Кто во Христе, тот новая тварь». Но одной новизны не достаточно, чтобы она была принята за признак сверхъестественного откровения. Богооткровенная истина должна иметь непреходящее вечное значение. Истина откровения никогда не может устареть подобно человеческим новым учениям. Составляя неиссякаемый источник духовного обновления человечества, она вечно пребывает в то же время неизменно в своей основе и не утрачивает своего глубокого жизненного значения, несмотря на самые разнообразные перемены в исторической жизни человечества. Истины откровенные всегда суть истины вечные.

Открытие тайн, недоступных для естественных способностей человеческого исследования, является самым очевидным признаком истинного откровения. Когда Сам Бог открывает о Себе, о Своих предвечных планах относительно судеб мира и человека, то пред умом человеческим необходимо открывается целый ряд истин, которые превышают всякий человеческий разум.

По учению святых отцов и учителей Церкви, истина Божественного откровения свидетельствуется главным образом тем, что оно возвещает нам «тайную сокровенную премудрость Божию», которой, по словам апостола Павла, никто из властей века сего не познал, открывает «глубины Божии», в которые никто не может проникнуть и которые никто не знает, кроме Духа Божия. Отцы Церкви указывают с особой настойчивостью на великие тайны христианской веры (на тайну Святой Троицы, воплощения, будущего воскресения мертвых) как на несомненные доказательства Божественности христианского учения.

Святитель Афанасий Александрийский в своем «Слове о воплощении» доказал истинность и Божественность христианства из анализа таинства воплощения. Ориген, блаженный Августин и святитель Григорий Нисский приходили к тем же выводам, анализируя тайну Святой Троицы.

На христианское учение о воскресении как доказательство Божественного величия христианства указывали многие древние христианские апологеты, особенно Афиногор («О воскресении мертвых») и Тертуллиан («О воскресении плоти»).

Сверхъестественный характер откровения не может быть доказан при отсутствии сверхъестественных признаков, т. е. чудес. Поэтому самое главное доказательство Божественной истинности откровения следует признать за теми знамениями и чудесами, которые не только творил Спаситель, но и на которые Сам ссылался: «Когда не верите Мне, верьте делам Моим» (Ин. 10, 38).

2.4 – Чудеса и пророчества

Чудеса, сопровождающие откровение, являются доказательством Божественного всемогущества и тем самым свидетельствуют истинность откровения. Пророчества, будучи доказательством Божественного всеведения, также свидетельствуют об истинности откровения. Истинное чудо можно рассматривать с онтологической, психологической и телеологической точек зрения. Как явление онтологическое, чудо есть явление сверхъестественной силы Божественного всемогущества в фактах обыденной жизни. Психологически – чудо производит потрясающее душу впечатление. Как явление телеологическое, чудо всегда имеет определенную цель, смысл и глубокое нравственное значение, открывающее людям существо Божественной любви и правды. Поэтому всегда истинное чудо является лучшим и нагляднейшим доказательством Божественности истинного откровения.

Спаситель учил, как власть имеющий открывать людям истину. Для доказательства Своей Божественной мощи и благодати, а также мощи тех, кто имел веру в Бога и любовь к людям, Он иногда совершал чудеса и знамения. Иногда эти чудеса носили несомненный и исключительно сверхъестественный характер (например, воскрешение мертвого, исцеление слепорожденного при помощи брения от плюновения), иногда же для их совершения требовались личные усилия человека, главным образом проявление силы веры (например, при хождении по воде апостола Петра).

Особый вид имеют чудеса, представляющие собой вполне естественные явления, но совершающиеся в строго определенный момент, вследствие чего чудесность собственно оказывается в необыкновенности совпадения двух рядов явлений (например, переход евреев через Чермное море; землетрясение и помрачение солнца при смерти Спасителя).

Не менее замечательным доказательством истинности Божественного откровения является пророчество. Пророк Исаия придает решающее значение пророчествам в деле обнаружения истинности Божественного откровения.

«Приведите ваши доказательства, – говорит он, обращаясь к язычникам. – Пусть (ваши боги) представят и скажут нам, что произойдет; пусть возвестят что-либо прежде, нежели оно произошло, и мы вникнем умом своим и узнаем, как оно кончилось, или пусть возвестят нам о будущем. Скажите, что произойдет в будущем, и мы будем знать, что вы боги» (Ис. 41, 21–23).

В Новом Завете Сам Спаситель указал на Свои предсказания будущего как на признак Своего Божественного достоинства: «Теперь сказываю вам, прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я» (Ин. 13, 19).

Какое исключительное и огромное значение придавал Спаситель ветхозаветным пророчествам, видно из сообщения апостола и евангелиста Луки: «И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании» (24, 27).

Силу доказательства откровения пророчествами Спаситель сравнивает с воскресением мертвого: «Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Лк. 16, 31).

2.5 – Богооткровенная религия христианства

Из всех религий в мире только одна христианская религия обладает всеми внутренними и внешними признаками богооткровенного достоинства и обладает истинными пророчествами и чудесами.

Христианство есть единственная истинная богооткровенная религия. Эта религия подразделяется на ветхозаветную и новозаветную, составляя, однако, одно органическое целое и представляя собой развитие одного Божественного плана о спасении человеческого рода. Различие между Ветхим и Новым Заветами заключается не в существе, а в степени полноты и совершенства. Ветхозаветное откровение относится к новозаветному, как приготовление к совершению, обетование к исполнению, прообраз к образу.

Целью ветхозаветного откровения было приготовление человечества в его исторической жизни к принятию высшего христианского откровения. Об этом говорили сами ветхозаветные пророки, высказывая мысль, что придет МЕССИЯ, Который возвестит людям Новый Завет (см. Иер. 31, 31–35).

Христианство обладает такой полнотой доказательств его истинности и богооткровенности и эти доказательства так многочисленны и разнообразны, что могут удовлетворить запросам и требованиям самых разнообразных настроений, самого разнообразного склада ума и характера, если они только искренно ищут истину.

2.6 – Ветхозаветная религия. (Корень христианства)

Еврейский народ был народом богоизбранным. Этому народу Господь дал подлинное Свое откровение. Богоизбранность много дает, но много и спрашивает. Много было дано еврейскому народу, много с него и спросилось. Но ветхозаветное откровение было не полным, а лишь подготовительным в истории Божественного домостроительства. Оно постепенно выполняло свое назначение. В нем постепенно раскрывались откровенные истины, по мере приближения его к цели своего назначения: приготовить все человечество к приятию высшего и совершеннейшего откровения – христианского! Ветхозаветные откровения раскрывались в такой период истории человечества, когда ни еврейский народ, ни другие народы мира не были подготовлены для восприятия высших истин христианского откровения. Поэтому эти истины открывались постепенно и в ограниченной мере.

2.7 – Сущность ветхозаветной религии

Ветхозаветная религия представляет собой прежде всего чистый монотеизм. Это обстоятельство резко отличает несомненно богооткровенную ветхозаветную религию от всех других чисто естественных религий, имевших всегда в той или иной степени элементы политеизма, пантеизма и даже атеизма.

Бог в Священном Писании Ветхого Завета изображается как единое (Втор. 4, 39; 32, 39) самобытное личное существо (Исх. 3, 14–15). Среди всех религиозных и философских определений Божества невозможно найти более полную и глубокую по содержанию и более краткую, сжатую и лапидарную по форме формулу, чем Божественное самоопределение, данное Моисею в откровении: «Я есмь Сущий. Так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам» (Исх. 3, 14). Из этого откровения ясно, что Бог, вечный и приносящий, есть в то же время живая Личность, Промыслитель, посылающий Своих избранных на дело служения истине, добру и правде, на благо человеческого рода.

Библейский монотеизм резко отличается от монотеизма абстрактного, в котором Божество отделяется непроходимой бездной от мира и человека и ставится в чисто внешнее, механическое

отношение к ним (например, магометанский монотеизм). Будучи чистым теизмом (т. е. понимая Бога не только как Творца вселенной, но и как Промыслителя), библейский монотеизм резко отличается от всех деистических представлений о Боге, понимающих Бога только как Творца мира и его законов и не вмешивающегося в дальнейшую жизнь сотворенных Им существ.

Библейский монотеизм носит глубоко жизненный и высоконравственный характер. Единый, живой, личный Бог, бесконечно возвышающийся над всем миром, всемогущий, всеведущий Творец всей вселенной, по библейскому учению, есть и всеблаготворитель, праведный Судия и Мздовоздаятель. Ему приписываются не одни только абстрактные метафизические свойства: вечного бытия, всемогущества, всеведения, бесконечной премудрости, вездесущия и тому подобное, но и все наивысшие совершенства, которые Ветхий Завет соединяет в одном понятии святости. Через это понятие устранялось представление о Боге как виновнике зла, ибо в Нем невозможны были нравственные несовершенства.

До истинного понятия о святости Божией не возвышалась ни одна из древних языческих религий; наоборот, понятие святости всегда отсутствовало в перечисленных и описанных свойствах Божества. Даже в персидской религии, наиболее нравственной по сравнению с другими, Ормузд, связанный до известной степени злым началом, не представлял собою существа, обладающего совершенством нравственной силы. Совершенно отсутствовало понятие святости и в безрелигиозной нравственной системе буддизма. Только в ветхозаветной религии понятие о святости Божией выявлено во всей чистоте.

Откуда же эта чистота, глубина и возвышенность учения ветхозаветной религии о Боге?

Все религиозные и философские представления о Боге других народов не были в состоянии оторваться от почвы натурализма или пантеизма. Как одинокая гора среди долины, стоит среди других религий ветхозаветная религия со своим возвышенным монотеизмом, говоря о святом, личном, живом, всесовершенном и всеблаготворительном Боге, Творце и Промыслителе мира. Свободное от мифологических фантазий и проникнутое живой жизнью, ветхозаветное учение представляет собой несомненное чудо, явившееся на заре истории и тем самым уже свидетельствующее о своем Божественном происхождении. Особенно же замечательно то, что носителем этой, несомненно, богооткровенной религии было маленькое и незначительное племя, незаметное среди других великих и цивилизованных народов древнего мира. Племя это, окруженное со всех сторон язычеством и само имевшее склонность к последнему, как показывает вся его история, тем не менее выдвинулось на первое, ни с кем не сравнимое место по глубине, ясности, чистоте и совершенности своей религии. Ничем иным, как сверхъестественным Божественным откровением, нельзя объяснить этой исторической загадки, перед которой оказались бессильными все попытки рационалистического истолкования.

Библейское учение о творении находится в тесной зависимости от возвышенного библейского учения о Творце мира и представляет собой также замечательные черты превосходства над всеми учениями других древних религий.

Вопрос о мироздании не получил ни в одной из известных древних религий удовлетворительного разрешения. Природа принималась или как вечно существующая, причем человек считался лишь «цветком природы» (в религии Китая), или превращалась в призрак, причем всякая материя считалась злом (в религии Индии), или же во взглядах на мироздание преобладал антропоморфизм, приписывающий миротворение и мироуправление богам, отличающимся от человека только степенью совершенства (религии классического античного мира).

Библейское же разрешение вопроса о мироздании резко отличается от всех этих крайностей. Мир в ветхозаветной религии рассматривается как творение единого, личного, всемогущего, премудрого, всеблаготворительного и святого Творца. Человек определяется как разумно-свободное творение, созданное по образу и подобию Божию, способное к развитию нравственного богоподобия и бессмертное по своему назначению.

Учение о творении в ветхозаветной религии развивается более полно, чем учение о Боге. Священное Писание Ветхого Завета начинается с описания не существа Божиего, а с дел Его творения и промыслительной деятельности.

Полное откровение относительно Существа Божиего не входит в задачу ветхозаветного откровения, ибо древнее человечество не было к этому приготовлено. Оно было сообщено позднее, в откровении новозаветном.

Учение о Пресвятой Троице в ветхозаветной религии было лишь прикровенным (по словам отцов Церкви), чтобы не подать повода еврейскому народу думать, что есть много богов.

Главные задачи ветхозаветного откровения заключались в твердом научении, что Бог един. Тогда как в новозаветном откровении самое существо единого личного Бога представлялось как Пресвятая Троица. «Прикровенное» учение о Пресвятой Троице можно видеть в упоминании о «Духе Божиим» («Дух Божий носился над водою» – Быт. 1, 2) и о «Слове Господнем» («Словом Господа сотворены небеса» – Пс. 32, 6).

Учение о творении, открытое в Ветхом Завете, было принято и в Новом Завете, ибо заключало в себе вечные и непреходящие истины Божественного откровения.

Вопрос о происхождении мира есть вопрос, превышающий естественные познавательные способности человека, а потому и не получивший разрешения ни в одном философском или научном учении.

Человек живет среди природы и ее законов. Он может изучать природу и открывать (но не создавать) уже существующие законы природы. Но знать, как создана природа и ее законы, человек естественными силами своих познавательных способностей не может. Этот вопрос или вовсе неразрешим, или может быть разрешен исключительно только через откровение. Такое откровение о мироздании и было дано в ветхозаветной религии.

2.8 – Библейское учение о мироздании

Библейское учение о творении составляло краеугольный камень всего ветхозаветного воззрения на Божество и созданный им мир. В основе этого учения лежала идея чистого творения из ничего, идея временности мира и идея сотворения человека непосредственно силою всемогущества Божиего в его первобытном совершенстве.

Идея сотворения мира из ничего творческой и благой силой Божественного всемогущества замечательна тем, что в ней впервые дается в чистом виде истинное понятие о творении, без всякой примеси пантеизма, дуализма, натурализма и материализма. Эта идея в корне исключает и представление о мире, истекающем (эманация) из Божественной сущности, и представление о Творце, Который нуждается в каком-нибудь предварительно существовавшем материале для сотворения мира. Идея эта исключает и предположение о посторонней силе, в которой нуждался Бог для осуществления Своего творческого плана. Иными словами, эта идея, отбрасывая всякое понятие о мирообразовании, ясно и определенно утверждает понятие о чисто творении. Только при условии сотворения мира из ничего уясняется понятие об истинном Существо Божием как Существо безусловном и бесконечном. Только в творении из ничего высказывается отличительное свойство Божественной природы.

Акт творения из ничего свойственен исключительно только одному Богу, как существу абсолютному. Только абсолютная и бесконечная причина может вызвать бытие из небытия. Все учения, не допускающие идеи творения из ничего, не имеют истинного понятия о безусловности и бесконечности Божественного абсолютного Существа. Акт сотворения мира Богом несоизмерим ни с какими иными актами, свойственными ограниченным существам.

Возможность творения из ничего вытекает из всемогущества Божиего, для которого нет ничего невозможного.

Идея о временности мира имеет также огромное значение. Эта идея не отрицает того, что Божественному уму был присущ от вечности идеальный образ мира, но отрицает только то, что реальный мир существует вечно; точно так же, как и учением о творении из ничего не отрицается, что Бог сотворил мир при помощи Своей всемогущей силы, а отрицается лишь то, что мир сотворен Богом из какой-нибудь материи, отдельной от Него.

О творении мира как предметной реализации во времени вечной Божественной идеи, созерцаемой от вечности, говорили и святые отцы Церкви. Так, например, святитель Григорий Богослов говорил: «Мысль Божия от века созерцала вожделенную светлость своей доброты... и рассматривала также в своих умопредставлениях Им же составленный образ мира. Для Бога мир был всегда настоящим».

Вопрос о том, как совершился переход идеального образа мира, от вечности присущего Божественному уму, в реальную форму бытия, разрешается, по мнению святых отцов Церкви, верою во всемогущество Божие.

Против учения о временности мира восстают пантеисты и материалисты, ибо тогда рушится основа всех их построений, однако современная наука приходит к несомненному убеждению о начале мироздания, требующем акта творения мира Богом (Джинс, Планк).

Порядок мироздания, о котором повествует первая глава Книги Бытия, представляет собой полное соответствие с достоверными выводами естественных наук по вопросу о мирообразовании.

Библейское повествование о творении мира очень кратко, принципиально не упоминает о деталях, совершенно не имеет в виду быть учебником астрономии и геологии. Но самое существенное, относящееся к порядку миротворения вообще, особенно к порядку сотворения нашей планеты, на которой по преимуществу сосредоточено внимание повествователя о творении, изображено в Библии с точностью, неопровержимой с точки зрения честных и серьезных естествоиспытателей.

По библейскому рассказу, сотворению органического мира на нашей планете предшествовало сотворение и образование неорганической природы. Органический же мир развился постепенно: появлению животного царства предшествовало царство растительное. В животном царстве сначала появились низшие и более простые организмы (водяные животные и пресмыкающиеся), а затем уже более развитые и сложные (птицы и четвероногие), и наконец создается человек как венец творения.

Телесный человеческий организм образовал Бог из ранее созданного элемента природы – земного праха. Но одушевление человека (создание духовности и разумности) было особым Божественным творческим актом. Наличие глубоко верующих людей, преклоняющихся пред Библией, среди гениальных мировых ученых-естествоиспытателей свидетельствует о том, что библейское учение о творении, появившееся еще до рождения науки, выдержало проверку временем.

Академик, профессор Р.Э.Бэр (русский ученый зоолог и антрополог), известный всему миру, говорит: «Нам ничего не завещано от древних времен более возвышенного, чем библейское учение о творении». Аналогичную оценку этого учения дал и известный американский естествоиспытатель Даусон. Оценки Ньютона, Ломоносова, Пастера, Рентгена, Менделеева, Павлова, Планка, Джинса и других величайших гениев мира известны всем.

«Дни» творения следует понимать не буквально (ибо «пред очами (Бога) тысяча лет, как день вчерашний» – Пс. 89, 5), а как периоды.

Проблема «наука и Библия», остро стоявшая в XVIII и XIX веках, в XX веке отошла на задний план вследствие глубокого кризиса науки. В настоящее время среди крупнейших мировых ученых большинство склонно защищать Библию от нападок недостаточно вдумчивых ученых-материалистов (см. прекрасную книгу инженера Б.Глаголева «Материализм в свете современной науки», издательство «Посев», 1946).

2.9 – Библейское учение о человеке

Библейское учение о человеке утверждает: 1) человек есть творение Божие; 2) по своей духовной природе человек есть творение, глубоко отличное от всех других земных тварей, несравненно совершеннее их и представляет собой образ и подобие Божие; 3) по телесной природе своей человек также является совершеннейшим творением Божиим, венцом всего земного творения; 4) и по телесной, и по духовно-нравственной своей природе человек сотворен в совершеннейшем виде, как чистейшая разумная нравственная личность. По своему назначению человек бессмертен, но вследствие грехопадения подвергся проклятию и смерти, от чего может быть спасен и избавлен через искупление.

Эти истины Божественного откровения о человеке резко отличаются от всех натуралистических учений о человеке и превосходят их. Превосходство это заключается: 1) в том, что разрешается неразрешимый для естественных познавательных сил человека вопрос о его происхождении; 2) в том, что разрешается другой неразрешимый для человека вопрос о происхождении зла и его ликвидации.

Наиболее шумевшая теория происхождения человека, так называемая эволюционная теория Дарвина, в последнее время получила резкую критику со стороны виталистов и неовиталистов и уже

не представляет собой серьезной проблемы для апологетики (см. Дриша «Неовитализм»). Дарвинизм отрицает творческий акт в деле сотворения человека и пытается объяснить его происхождение путем естественной эволюции от низших форм животной жизни.

Главным недостатком этой гипотезы является отсутствие фактов опыта и исторически известных данных. «Связующего звена» между человеком и обезьяной не открыто и не может быть открыто, ибо между самым высшим животным и самым примитивным человеком лежит пропасть. Нет ни одной обезьяны, которую можно было бы серьезно сравнить с человеком, и нет ни одного человека, которого можно было бы серьезно сравнить с обезьяной.

Сам Дарвин был религиозным человеком (деистом). В конце своей научной деятельности Дарвин стал гораздо осторожнее и признал, что будучи молодым ученым он часто «спешил в выводах». Последователи Дарвина шли в своих поспешных и необоснованных выводах гораздо дальше своего учителя. Выводы были тем более радикальны и тем менее обоснованы, чем менее образованы научно и философски были эти «ученые».

Работа дилетанта в науке и философии Фридриха Энгельса «Значение труда в процессе очеловечения обезьяны» представляет собой, с точки зрения современных биологических наук, смешную фантазию.

Родоначалники человеческого рода из животных существуют только в сочинениях дарвинистов, а нигде в природе не существуют и не существовали. Уже один объем мозга обезьян (до 500 граммов) по сравнению с объемом мозга самых диких народов (свыше 600 граммов) свидетельствует о том, что данные чисто биологической структуры обезьяны и человека несоизмеримы. Но главное отличие человека от животных – его речь и мышление.

Попытки считать некоторые черепа первобытных людей за переходные звенья между черепами человека и обезьяны всегда терпели поражение. Так, например, знаменитый так называемый неандертальский череп, по заключению ученых, оказался лишь патологическим явлением (уродством).

В остальном дарвинизм не противоречит библейскому откровенному учению о сотворении животных существ, ибо эволюция не разрешает вопроса о том, кто же сотворил первых животных.

По библейскому учению, сначала была создана сама материя земли, затем особым творческим актом были созданы животный мир и человек как животное и наконец особым творческим актом было одухотворение человека.

Для опровержения этого учения необходимо было бы доказать, что материя существовала вечно и что, сама собой развиваясь, она произвела растения, животных и человека с его речью и мышлением и привела к глубоко мудрому и целесообразному строению вселенной, а также привела и к истории всего человечества. Но современная честная наука, в лице своих величайших гениев, не может признать ничего подобного.

Согласно современным данным физико-математических и биологических наук, материя представляет собой энергию, существующую не вечно, а имеющую необъяснимые ничем, кроме творческого акта (Божественного творчества), начало и конец (учение об энтропии). Из неорганической природы наука не может объяснить возникновение растительного мира, а из последнего не может объяснить мира животного, и, наконец, из животного мира не может объяснить человека с его речью, с его душой, именуемой «я». Невозможность появления на земле (когда-то бывшей в раскаленном состоянии, исключая существование всего живого) органической жизни привело к гипотезе о том, что органическая жизнь занесена на землю с других планет. Но единообразие образования планет, так же бывших когда-то в раскаленном состоянии, отодвигает вопрос в неопределенную бесконечность, совершенно необоснованно (с научной точки зрения) предполагая (веруя), что где-то, когда-то, как-то образовались какие-то планеты иным путем, при котором якобы мог бы существовать и органический мир. Эта необузданная фантазия опровергается и с другой стороны: каким путем могли попасть на землю органические миры, если даже они где-нибудь и образовались?

«Противоречия» между Библией и наукой по вопросу о времени существования мира только кажущиеся. Более или менее точной геологической хронологии быть не может. Ибо все расчеты основываются на предположении, что десятки и сотни тысяч и даже миллионы лет протекали при тех же условиях, какие наука наблюдает в настоящее время. Но если условия изменялись (а это могло происходить при различных катастрофах космического порядка) и если сами законы природы изменялись и эволюционировали (см. об эволюции законов природы работы гениального

французского математика А.Пуанкаре), тогда нет достаточных логических оснований для установления точной хронологии.

О возможности эволюции самих законов природы впервые высказывал мысль архиепископ Филарет Черниговский (в 1867 году) в своем замечательном «Догматическом богословии».

Следует не забывать, что сущность времени и пространства являются еще не вполне выясненными философскими проблемами. Вопрос об эволюции самого времени, проблема «преодоления времени» является современной философской проблемой. Дни творения, указанные в Библии, не являются обыкновенными сутками в 24 часа, а понимаются как неопределенно длинные периоды.

Реституциональная (восстановительная) богословская гипотеза (дополнение)

Западные богословы (Баумгартен, Кеерл и др.) в своем стремлении примирить «противоречия» между наукой и Библией выдумали так называемую реституциональную, или восстановительную, гипотезу о сотворении неба и земли. Она заключается в следующем. Бог не мог (!) сотворить землю безвидной и пустой, а должен был (!) сотворить ее сразу (?) совершенной. Значит, произошла какая-то катастрофа, которая созданную совершенной землю превратила в «безвидную» и «пустую», с «тьмой» над «бездной», т. е. разрушила созданную гармонию и создала зло. Может быть, эта катастрофа была результатом падения Люцифера. Тогда Бог «восстановил» разрушенное... Это и есть «творение мира», рассказанное в Библии.

Замысловатая, красивая фантазия не имеет под собой никакой почвы. Святые отцы и учителя Церкви, мудрость и святость которых несоизмерима с новыми западными учеными-рационалистами, никогда ничего подобного не говорили. Ограничивать свободную волю Божию во время творения мира нет никаких оснований. Поэтому реституциональная гипотеза некоторых западных богословов совершенно неприемлема для Православной Церкви. Как совершенно правильно говорит по этому поводу профессор Н.П.Рожественский в своей «Христианской апологетике», «толкование Священного Писания не должно подчиняться влиянию естественнонаучных теорий» (т. к. эти теории в конце концов всегда только гипотезы, а откровение говорит о вечной истине). «Если не дело Библии, – говорит профессор Рожественский, – давать уроки физиологии, химии, геологии, ботаники, то, с другой стороны, не дело естественных наук учить экзегетов правильно толковать и понимать Священное Писание».

2.10 – О единстве человеческого рода

Одной из чрезвычайно важных основных истин откровенной религии, относящихся к учению о человеке, является истина о единстве человеческого рода и связанных с ним вопросов о первобытном состоянии человека и его падении. Так как наши задачи не догматические, а апологетические, то мы не будем подробно и полно излагать догматическое учение этой богооткровенной истины.

Истина единства человеческого рода принадлежит к основным истинам христианского мировоззрения. На ней утверждаются догматы о падении всего человеческого рода в Адаме и об искуплении всего мира через ХРИСТА. Все человечество, в свете этой истины, представляет собой одну семью, а эта семья является одним целостным организмом (см. учение Макария Великого о «соборном человеке»), имеющим один общий корень в Адаме и один венец в своем общем искупителе – ХРИСТЕ. Без этой истины были бы непонятны ни учение о всеобщей наследственности первородного греха, ни учение о необходимости искупления для всего человеческого рода, ни учение о всеобщем значении искупительных жертв Христа для всего человечества. Эта истина определяет и сущность нравственного принципа, лежащего в понятиях о достоинстве личности каждого человека. Ни в одной из естественных религий мы не находим ясного и полного выражения этой истины, отчего ни в одной из систем языческой морали нет всеобъемлющей широты и глубины понятия человеческой личности, созданной по образу и подобию Божию. Только христианское учение о нравственности расширило нравственный кругозор человечества до общечеловеческого масштаба. Только христианство может быть истинным непоколебимым фундаментом для подлинной гуманности в высшем и лучшем значении этого слова. Из этой христианской гуманности выросли и стремление к миссионерской деятельности просвещения диких народов (наших меньших братьев), и

стремление к освобождению поработанных и угнетенных народов и племен, и стремление к установлению международного мира и другие великодушные социальные стремления.

«Все за одного и один за всех виноваты» – вот социальная истина христианства. Грубейшим извращением христианской общественной нравственности является учение так называемого социализма (и коммунизма), не понимающего ни универсального мистического корня зла, ни необходимости спасения человечества Христом, ни благодатности этого спасения.

Вопрос о том, состоит ли человеческий род из одного или нескольких видов, является до сих пор спорным в области естественных наук.

С учением о единстве человеческого рода связывается вопрос, возможно ли происхождение всего человечества от одной первоначальной четы или нет? Никаких научных данных, заставляющих нас сомневаться в истинности библейского учения о происхождении всего человечества от Адама и Евы, нет. Или «не знаю и не могу знать», или «верю Библии».

2.11 – О первоначальном состоянии человека

(До падения и после падения до потопа).

Библейское учение о первобытном райском состоянии и затем падении человека является связующим между ветхозаветным и новозаветным учениями. На нем основано и учение об искуплении.

О первоначальной жизни человека наука не имеет никаких данных. По замечательному выражению знаменитого французского антрополога Катрфажа: «Ни опыт, ни наблюдение не дают нам ни малейших фактов относительно первого начала человеческого рода. Строгая наука должна поэтому оставить неприкосновенной эту проблему. Меньше удаляется от истины тот, кто признает в данном случае свое невежество, чем тот, кто не сознает его и старается навязать его другим».

Единственными косвенными доказательствами правильности библейского учения по этому вопросу являются древнейшие предания разных народов о первобытных временах человеческого рода. Сравнительное изучение этих преданий заставляет нас предполагать один общий источник их – действительность в прошлом «золотого века» или рая.

Смутные предания о рае и потере его через грехопадение встречаются у народов ассирийско-вавилонских, у персов, у китайцев, у индусов, у египтян, у древних греков, у римлян и т. п. Одним словом, библейское учение о первобытном состоянии человека не одиноко. Разные варианты этого учения встречаются в преданиях народов Азии, Европы, Африки, Австралии и Америки (в Мексике, Парагвае и других). Чем можно объяснить это замечательное взаимное согласие преданий разных народов о первоначальном состоянии и падении человека? Единственным объяснением может быть только историческая действительность рая и потеря его через грехопадение.

Библейское учение о первобытном состоянии человека обнимает: а) состояние человека до грехопадения; б) первые времена после грехопадения. По изображению Книги Бытия, первые люди до грехопадения находились в исключительно благоприятных условиях для физического, умственного и особенно религиозно-нравственного совершенствования.

В физическом отношении они были свободны от скорбей, болезней и смерти. В умственном отношении они обладали огромными творческими способностями, так как были сотворены по образу и подобию Божию и должны были развивать свои способности, чтобы владычествовать над всей землей. Что касается религиозно-нравственного состояния первых людей, то это было высокоблагодатное блаженное состояние. Главное блаженство их состояло в непосредственном личном общении с Богом. Их богопочтение имело характер детской преданности Богу; их добродетель состояла в верном хранении заповедей Божиих.

Обильная благодать, изливавшаяся на них, не уничтожала их личной свободы, этого величайшего из всех благ, им данных, делающих их воистину богоподобными. Личная полная свобода, не ограниченная, а лишь огражденная запретом не вкушать плодов древа познания добра и зла, создавала для них две возможности: 1) духовно расти и укрепляться через личное самостоятельное нравственное совершенствование; 2) нравственно упасть, нарушив благодать и совершенную волю Божию.

Первые люди (Ева, послушавшись лести змея больше, чем праведного закона Божиего, и Адам, послушавшийся слов жены более, чем слов Божиих) преступили волю Божию, нравственно

пали, согрешили. Грех уничтожил блаженную и благодатную гармонию всей жизни не только согрешивших людей, но и всей вселенной.

Изгнанные из рая, первые люди познали тяжелый труд в борьбе с природой, болезни, страдания и смерть. Духовные силы стали не развиваться, а падать. Появились и стали умножаться пороки и преступления. Уже первые шаги человека, вне райского состояния, забрызганы братоубийственной кровью. Затем появилось многоженство, войны, разврат и новые преступления. Вместе с этим начала развиваться внешняя культура, стали строиться города, появились ремесла, стала развиваться техника, наука, искусства. Однако все это было лишь грубым суррогатом того свободного творчества блаженных и бессмертных людей, какими были первые люди в раю. Таково библейское изображение первобытного состояния человеческого рода.

Очень важным вопросом при исследовании первобытной эпохи является вопрос об уровне культуры и цивилизации в эту эпоху. Находились ли люди в то время в диком состоянии или у них были культура и цивилизация? Этот вопрос, конечно, должен быть решен не с материалистической точки зрения, признающей лишь материальные ценности и игнорирующей ценности духовные (религиозно-нравственные). С христианской точки зрения, признающей в человеке бессмертную душу, высшими ценностями являются религиозно-нравственные запросы человеческого духа, т. е. духовные стороны культуры. Материальная культура, или так называемая цивилизация народа, заключается в обладании средствами, удовлетворяющими потребностям и нуждам земной жизни, а также делающими ее с внешней стороны приятной, легкой и удобной. Для этих целей, конечно, необходим известный круг теоретических научных и практических, технических и промышленных знаний.

Но кроме материалистической цивилизации, прогресс, который зависит от развития техники эксплуатации сил природы на пользу человека, есть еще духовная культура человечества, проявляющаяся в религиозной и нравственной жизни народа и приводящая к духовно-нравственному облагораживанию человеческой личности.

Как материальная, так и духовная культуры имеют свои особые задачи и неразрывно связаны друг с другом. Так, где наблюдается в той или иной степени гармония их, идет нормальное развитие народа. Однако, как об этом свидетельствует история культуры, такая гармония наблюдается довольно редко; большей же частью в жизни народов преобладает то одно, то другое направление, т. е. то более материальное, то более духовное. Поэтому рядом с высоко развитой материальной культурой могут проявляться дикость и варварство в нравственном отношении.

После высказанного обратимся к рассмотрению жизни людей первобытной эпохи. Первые люди после падения должны были достигать удовлетворения своих житейских нужд путем сурового труда и борьбы со стихийными силами природы. Борьба за существование способствовала развитию материальной цивилизации. На основании Библии можно предположить, что у потомков Каина (каинитов), уже в седьмом поколении после Адама, материальная цивилизация достигла значительной высоты (употребление металлов); наоборот, у некаинитских племен (происшедших от Сифа) сначала более развивалась духовная культура. Чем более различные племена размножались и расселялись в разных концах земли, отделялись друг от друга, тем более они начинали отличаться в степени и характере своих культур.

Так называемая доисторическая эпоха человечества чрезвычайно мало поддается научному историческому исследованию. Интересно отметить, что как наука, так и Библия одинаково признают колыбелью человеческого рода Азию.

Далее наука считает, что первоначальным периодом в постепенном развитии человеческой цивилизации был так называемый «каменный век», когда орудия делались из камня. Это не противоречит Библии, которая, как было указано выше, упоминает об употреблении металлических орудий лишь в более позднем (приблизительно седьмом) поколении человеческого рода.

Некоторые ученые делают предположение, что библейский Тубалкаин (кузнец из Тубала) был родоначальником туранского племени, очень рано достигшего успеха в металлической технике.

На основании древних восточных, особенно египетских и ассиро-вавилонских культурных памятников, сохранившихся до настоящего времени, следует вообще заключить, что восточные народы, ближе стоявшие к колыбели человеческого рода, достигли успехов цивилизации гораздо раньше, чем переселившиеся на Запад западные народы, и что вообще на Востоке цивилизация началась гораздо раньше, чем на Западе.

2.12 – Библейское учение о происхождении зла

С библейской точки зрения зло является результатом греха. Грех же является результатом свободной воли человека. Таким образом, проблема зла (самая трудная проблема религиозной философии) упирается в проблему свободной воли человека. Решение этих проблем представляет собой огромные затруднения для человеческого ума.

Слово «грех», по объяснению замечательного русского богослова Рождественского, «обозначает или собственно личный проступок человека, противный законам Божественной правды, или общее превратное отношение человечества к Богу, возникшее из первоначального нарушения закона, предписанного человеку. Но ни тем, ни другим определением не обнимается и не исчерпывается вполне библейско-христианское понятие о грехе. Грех, по христианскому воззрению, не есть одно только нарушение Божественного закона или беззаконие, хотя, без сомнения, он есть и это; но он не есть только это, не есть только, так сказать, юридическое зло. Грех есть не только оскорбление Божественной правды, но вместе и измена Божественной любви со стороны человека, нарушение им верности в отношении к Богу, произвольное попрание священного союза с Богом. Через грех человечество в глубине своей свободной воли восстало против Бога, Творца своего, одарившего человека всеми благами и важнейшим из них – образом и подобием Божиим. Из такого взгляда на грех вытекает библейское учение о чрезвычайной преступности греха и крайней тяжести его последствий для судьбы человечества».

Библейское учение резко отличается от религиозных и философских учений о грехе, относящихся к последнему часто весьма снисходительно, как к явлению, обусловленному несовершенством человеческой природы. По библейскому учению, грех есть не только нравственное, но и религиозное преступление, оскорбляющее Божественную правду и Божественную любовь. При таком понимании греха он является причиной не только нравственного, но и всякого физического зла.

Мир, сотворенный Богом, представлял собой полную гармонию красоты и блага. Дух, нарушивший закон Божественной правды, изменнически отпавший от Божественной любви и ставший в состояние вражды с Богом, претерпевает страдание, которое невозможно было при условии исполнения Божественной воли. Ибо воля эта – благо для всех. Грех порождает зло, а зло порождает страдание.

Отсутствие страдания как следствия совершённого греха было бы величайшей логической нелепостью, величайшей безнравственностью (нравственной несправедливостью) и величайшим нравственным злом!

2.13 – Библейское учение об искуплении

Вопрос о зле находится в тесной связи с вопросом об искуплении. Идея искупления есть вечная идея, от вечности входившая в план Божественного мироздания. Поэтому в Священном Писании Искупитель именуется «Агнцем, закланным от сложения мира». Сущность идеи искупления состоит в том, что добровольное падение человека, предусмотренное в «совете Пресвятыя Троицы», предположено от века искупить добровольной жертвой Сына Божиего и тем восстановить утраченное человеком вследствие греха благодатное состояние и таким образом победить зло в самом его корне и восстановить гармонию мироздания, нарушенную свободным произволением человека.

При этом восстановленная гармония мира после своего восстановления не только не становится ущербленной, а, наоборот, приобретает еще большее совершенство. Потерянный рай не только возвращается, а превращается в Царство Небесное, более совершенное, чем рай. По замечательному определению епископа Игнатия (Брянчанинова), в раю было естественное состояние человека, после грехопадения оно стало нижеестественным, а в Царствии Небесном будет сверхъестественным. Этим искупаются и страдания, появившиеся вследствие греха и зла.

Значение идеи искупления всемирно. Чувство потребности в искуплении составляет общее основание всех древних религий. Стремление восстановить потерянный союз между Богом и человеком, стремление загладить (искупить) грех и примириться с небом есть стремление общее и в

иудейском, и в языческом мире. Всемирное ожидание избавления является точкой соприкосновения между этими двумя мирами. Вот почему в Священном Писании Искупитель называется возвышенным выражением «чаяние народов».

Жажда искупления с глубокой древности породила в религиозном сознании человека идею о жертве. Религиозные культы всех древних народов представляют нам зрелища кровавых жертв. Среди кровавых жертв, которые приносились за грехи человеческие, особенно выделяются по своему глубокому трагизму человеческие жертвы. У всех языческих народов сквозь чувственную форму этих жертвоприношений проглядывает смутное сознание глубокой идеи о том, что только невинный может принести удовлетворительную жертву за виновного, что только в невинно пролитой крови обитает примиряющая сила.

Замечательно, что у очень многих древних народов имеются мифы о каком-то таинственном змее, виновнике зла, и об избавителе, долженствующем победить этого змея. В этих мифах нельзя не видеть следов действительного обетования о семени жены, долженствующем стереть главу змея.

Все мифы естественных религий представляют собой только «сония и гадания» древнего языческого мира относительно будущего искупления. Ясный же и истинный смысл искупления рода человеческого начинает выявляться только в свете откровенного библейского учения.

Изумительное явление универсальности идеи искупления никак не может быть объяснено «всеобщим заблуждением», ибо заблуждения никогда не бывают всеобщими, не проходят через целый ряд веков у целого ряда народов. Вера же в умиловительную и искупительную силу добровольной жертвы находится везде и у всех народов. И жертва составляет принадлежность всех религиозных культов.

Но нигде, ни в какой религии, кроме библейской, учение об искуплении не развернуто целиком. Новозаветная же религия это развернутое учение об искуплении наполнило живым содержанием религиозного опыта общения с личностью Самого Спасителя – Искупителя мира.

2.14 – Библейское учение о всемирном потопе

Библейское учение о всемирном потопе (Быт. гл. 6–7), которым, по Библии, оканчивается первобытная («допотопная») история человеческого рода, после которого начинается новый период, новая эра человечества, наиболее оспаривается рационалистической научной критикой. Оспаривается главным образом объем потопа, т. е. его всемирность. Кроме того, оспариваются и частности, например, существование Ноева ковчега, возможность помещения в нем всех животных и др. Однако все ученые-геологи признают несомненность какой-то огромной геологической катастрофы, связанной с наводнением или обледенением. Сомнения возникают лишь во всемирности этой катастрофы и в ее длительности. Геология противопоставляет потопу гипотезу так называемого «ледникового периода», считая этот геологический феномен более древним, более продолжительным и более всеобъемлющим.

Христианская апологетика по вопросу о потопе прежде всего стремится выяснить, какое значение для христианского мировоззрения имеет библейское повествование о всемирном потопе, а затем уже ищет научных данных, подтверждающих его истинность.

Вопрос о потопе – не частность, а одно из чрезвычайно важных положений мировоззрения христианина. Всемирный потоп – мировое событие, связанное с историей Ноя и его сыновей, от которых библейская история производит все существующие донныне племена и народы.

Кроме исторического значения, всемирный потоп имеет еще догматическое и нравственное значение. С всемирным потопом связано догматическое учение о единстве и непрерывности человеческого рода от Адама через Ноя до нашего времени. Причина же потопа имеет глубоко нравственное значение: потоп был послан человечеству как наказание за грехи, за всеобщее моральное разложение.

Истинность всемирного потопа засвидетельствована словами Самого Спасителя, что для христианина имеет решающее значение. Ибо христианское сознание может легче предположить, что весь мир ошибается, чем кощунственно подумать о том, что ошибся Богочеловек (см. Мф. 24, 37).

В апостольских посланиях также часто говорится о всемирном потопе как о действительно бывшем событии (см. 2 Пет. 2, 5; Евр. 11, 7). Спаситель и апостолы Его, по самому характеру своей

проповеди истины, не могли приводить «легендарных» и «ложных» сказаний о потопе в доказательство правосудия Божиего.

У разных народов имеется свыше семидесяти разных сказаний, напоминающих описание потопа в 6-й главе книги Бытия (наиболее близким к Библии является сказание Вавилонское). Всеобщность предания о потопе говорит о том, что в основу его легло какое-то действительно мировое событие, запечатлевшееся в памяти народов и сохранившееся в течение многих веков.

По вопросу о том, был ли библейский потоп всемирным в том смысле, что он покрыл всю поверхность земного шара (т. е. был геологическим явлением), или в том смысле, что в его волнах погибло все допотопное человечество (т. е. что он был явлением антропологическим), имеются в западном богословии различные мнения. Пытаясь примирить библейское сказание с геологическими научными гипотезами, некоторые западные богословы допускают, что потоп мог быть не повсеместным на всем земном шаре, а захватить собой только те местности и страны, которые были обитаемы людьми.

Православное богословие с этим согласиться не может, во-первых, потому, что это противоречит и смыслу и букве библейского повествования, в котором ясно сказано, что потопом покрылись все самые высокие горы по всей земле, а во-вторых, и потому, что и с научной точки зрения трудностей при объяснении местного потопа гораздо больше, чем для объяснения потопа всемирного.

Научные геологические гипотезы о потопе несколько раз менялись. Пока в допотопных слоях земли не находили никаких остатков людей, появлялись геологи, решительно утверждавшие, что потоп имел место на земле до появления человека. В настоящее время (после открытия следов человека в допотопных слоях земли) факт существования человека до потопа неоспорим. С этим фактом рушились многие «противоречившие» Библии старые геологические гипотезы. Но новые и новейшие геологические гипотезы о потопе представили новые «противоречия», которые, однако, не разделяются всеми учеными геологами. Главные пункты разногласия геологических гипотез с библейским сказанием могут быть сведены к следующим положениям.

Во-первых, геология смотрит на потоп как на естественное космологическое явление, а не как на специальное явление наказания Божиего людям. Противоречивость различных геологических гипотез и, в конце концов, бессилие науки только «научно» объяснить явление потопа только подтверждают в сознании христианина несомненную чудесность этого события.

Далее, геология смотрит на потоп не как на внезапную катастрофу, подготовлявшуюся по Библии только сорок дней, а как на громадную по времени продолжения целую геологическую эпоху. Потопу, по геологическим гипотезам, предшествовало постепенное, крайне медленное понижение температуры на земле, дошедшее наконец до ледяного состояния, причем массы воды на земной поверхности превратились в ледники, покрывшие обширные пространства земли. По Библии, потоп внезапно наступил и сравнительно скоро прошел, тогда как «ледниковый период», по геологии, весьма долго подготовлялся и еще дольше продолжался (в течение многих тысячелетий).

По Библии, потоп был всемирным и в геологическом, и в антропологическом смысле, т. е. весь земной шар был залит водой выше самых высоких гор, и все допотопное человечество, за исключением семьи Ноя, погибло. Мнения же геологов по этому вопросу расходятся, причем меньшинство предполагает, что некогда полярные льды и снега покрывали всю земную поверхность (чем предполагается, что и наводнение, предшествовавшее образованию льдов, было повсеместным), тогда как большинство склоняется к признанию только местного, хотя и обширного обледенения. Далее, геологи склонны отодвигать свой потоп на миллионы лет назад и не думают, что все человечество погибло в нем. Эти разногласия геологов и геологов невольно приводят к мысли: об одном и том ли явлении они спорят? И не следует ли отличать «потоп» библейский от «ледникового периода» геологов?

Многие современные геологи считают, что «ледниковый период» есть гипотеза, а потоп – еще не разрешенная проблема. Причины повсеместного понижения температуры, обусловившего наступление «ледникового периода», с достаточной точностью наукой еще не определены. Если библейский потоп не может быть строго научно доказан, то он не может быть также и научно опровергнут. Следовательно, нет никаких «научных» препятствий к христианскому доверию Библии.

Против всемирности библейского потопа часто возражают, ссылаясь на то, что в самой Библии не указывается достаточных причин для такого потопа. Сорокадневный дождь, говорят возражающие, недостаточен, чтобы произвести такое громадное наводнение. По поводу этого

возражения следует прежде всего сказать, что главная причина потопа, по Библии, заключается не в тех или иных естественных причинах, а во всемогущей воле Божией. Но и естественные причины, указанные в Библии как причины, подчиненные высшей Божественной воле, – были достаточны для всемирного потопа.

Главная причина потопа, по Библии, заключалась в том, что «разверзлись все источники великой бездны» (Быт. 7, 11), а дожди ставятся на втором плане (Быт. 8, 2). Что следует понимать под «источниками великой бездны»? Это могло означать и океаны, хлынувшие в результате мирового катаклизма, связанного с землетрясениями и изменениями дна океанов и морей; это могли быть и подземные водяные источники, которые, по мнению некоторых геологов, так громадны, что могли бы доставить еще более значительное количество водяной массы, чем это потребовалось для всемирного потопа.

Следовательно, все возражения против геологической достаточности причин потопа, указанные в Библии, не основательны.

Следует еще отметить указание Библии на радугу, которая появилась впервые только после потопа. Согласно некоторым научным гипотезам (например, гипотезе профессора Рима), существование радуги при допотопной атмосфере физически было невозможно, и лишь при выпадении огромных масс воды появилась возможность в измененной атмосфере появления феномена, именуемого радугой. Эта радуга, подчеркнутая в библейском повествовании как знак обета, что «потопа больше не будет», сообщает всему библейскому рассказу особую значительность и правдивость.

2.15 – Библейское сказание о разделении языков

Из деяний Божественного Промысла о судьбе человеческого рода после потопа особое и большое значение имеет так называемое разделение языков и рассеяние племен. Оба эти факта имеют важное значение для всего человечества. Этими событиями завершается история первобытного человека и начинается история уже отдельных народов, среди которых израильский народ удостоивается особого Божественного избрания для сохранения истинной религии в древнем мире и для приготовления всего человечества к принятию христианства, долженствующего вновь объединить разделившийся мир.

После разделения языков и рассеяния племен древний мир начал жить разрозненной жизнью отдельных обособленных друг от друга народов. И только с открытием Царства благодати, через Христа, после искупления и духовного благодатного обновления человечества, оно снова призывается к нравственному единству.

В известном церковном песнопении вавилонское смешение языков противопоставляется дарованию языков апостолам в день сошествия Святого Духа: «Егда снизшед, языки слия, разделяше языки Вышний; егда же огненные языки раздаяше, в соединение вся призва».

Наука о языке и его развитии, так называемая лингвистика, в вопросах о языке и происхождении из него массы разнообразных языков встречает непреодолимые трудности. Этим и объясняется разногласие ученых. Но крупнейшие и авторитетнейшие лингвисты (например, Макс Мюллер) прежде всего отрицают наивно-материалистическую гипотезу о происхождении языка в процессе развития человека из неразумного и бессловесного в разумное и словесное существо. Дар слова, по мнению выдающихся лингвистов, был от природы присущ человеку, одновременно с даром мышления («Нет мысли без слова и нет слова без мысли» – М.Мюллер).

Вопрос о том, каков был первоначальный язык, на котором говорили первые люди, и был ли это один общий язык или существовало несколько различных языков, наукой еще не разрешен. По свидетельству же Библии, до разделения языков «на всей земле был один язык и одно наречие» (Быт. 11, 1). Те из ученых, которые признают единство человеческого рода, признают и единство первоначального общечеловеческого языка.

Происхождение из одного языка множества разных языков можно уподобить развитию дерева, из одного ствола которого произошли многочисленные сучья и ветви с их разнообразными формами, имеющими и свои особенности, и нечто общее. Теоретически многие лингвисты и признают такое «лингвистическое дерево», но практическое изучение «лингвистических разветвлений» вызывает много споров.

Смешение языков, по библейскому сказанию, было вызвано высокомерным человеческим предприятием построить город и воздвигнуть башню до небес, т. е. до небесных облаков. Для этого исключительно грандиозного мирового предприятия необходима была концентрация огромного количества людей в одном месте, что являлось нравственно развращающим фактором, ибо огромное скопление людей, не соединенных твердыми нравственными связями, всегда усиливает общую порочность. (Это наблюдается в огромных городах со скученным населением.)

Божественное Провидение, заметив вновь после потопа увеличивающуюся порочность и развращенность, а также и горделивые, высокомерные замыслы собравшихся, решило рассеять их. Для этой цели и было произведено разделение языков, обусловившее образование отдельных наций, ибо главное отличие народов заключается в различии их языка.

Но как следует понимать смешение языков (разделение)? Был ли это акт чудесного вмешательства, мгновенно создавший различие языка у собравшихся, или же произошло постепенное изменение уже давно, медленно и постепенно изменявшихся различных наречий? Второе предположение, хотя и трудно, но все же возможно предположить и объяснить естественным ходом событий. Первое же предположение требует признания чуда, т. е. сверхъестественного явления.

Безрелигиозная наука стремится все объяснить только естественным путем, а потому по поводу наличия разнообразных языков строит различные противоречивые гипотезы. Религиозное же сознание, доверяя Библию больше, чем научным противоречивым гипотезам, охотно признает наличие чуда.

Библейское выражение «сойдем же и смешаем там язык их» (Быт. 11, 7) не оставляет сомнения в особом Божественном акте.

«И рассеял их Господь по всей земле; и они перестали строить башню», – говорится дальше (там же, ст. 8).

Из разделенных и рассеянных племен и народов Господь, по неисповедимым путям Своим, избрал израильский народ, но не для его исключительно национальных, как думают многие евреи, а для общечеловеческих целей: для подготовки, при помощи избранного народа, всего рода человеческого к тайне искупления.

Избрание израильского народа было особым видом служения Богу и человечеству. Это давало не столько прав, сколько обязанностей израильскому народу, ибо «если много дано, много и спросится».

2.16 – Этика ветхозаветной религии

Сущность нравственного мировоззрения ветхозаветной религии резюмирована в десяти заповедях, данных израильскому народу Богом через Моисея.

Итак, этика ветхозаветной религии прежде всего является теонормой, т. е. основанной на религии. Нравственная жизнь человека необходима потому, что на это есть всеблагая воля Господня. Основа основ всей ветхозаветной морали – любовь к Богу; на этой основе возникает необходимость любви к ближнему. На любви к Богу и ближнему основываются все нравственные обязанности в отношении к Богу, ближнему и к самому себе.

Хотя принцип любви, как мы увидим ниже, не имеет в ветхозаветной религии такого всеобъемлющего применения, какое дано ему в религии христианской, тем не менее сам принцип этот ясно и точно провозглашен. «Да будут слова сии (возлюбить Бога и ближних) в сердце твоём и в душе твоей» (Втор. 6, 6). Не ограничиваясь общим указанием на необходимость любви к Богу и ближним, ветхозаветная религия указывает и весьма конкретные ее виды и стремится провести начала любви в семейную и общественную жизнь народа. Так, например, внушается необходимость почитать родителей, запрещается нанесение вреда жизни близких, требуется чистота нравов, уважение к праву собственности, к доброму имени окружающих и т. п. Еще более частные виды проявления любви к ближним указываются в многочисленных правилах ветхозаветного законодательства, в которых предписывается уважение к старцам, заботливость о благе вдов и сирот, снисхождение к несостоятельным должникам, помощь бедным, человеколюбие к рабам, великодушие к врагам и пр. «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою» (Притч. 25, 21).

Однако мораль ветхозаветной религии не заключала в себе полного выражения нравственной идеи во всей ее всеобъемлющей широте и глубине. В соответствии с главной целью этой подготовительной религии – воспитать и приготовить израильский народ к восприятию высшего христианского откровения – мораль ее внушала Израилю любовь друг к другу; всеобщее же применение принципа любви ко всем народам и ко всему человечеству в целом еще не было ее специальной задачей.

Основная мысль гражданского законодательства ветхозаветной религии заключалась в утверждении, что Царь Израиля есть Бог. Этим ветхозаветное законодательство резко отличалось от других древних законодательств. Последние имели всегда в виду главным образом достижение внешнего государственного благоустройства, мало интересуясь нравственным значением и назначением человеческой личности.

В основе же ветхозаветного гражданского законодательства, напротив, лежала мысль, что человек прежде всего и главным образом есть существо нравственное. Поэтому назначение человека состоит не в том только, чтобы он служил известную службу государству, но в том, чтобы он постоянно, во всех своих делах, в отношении к обществу, государству и к себе самому сообразовывал свою естественную волю со святой волей Бога, с Божественным законом и заботился об угождении не людям, а Богу.

Основное же отношение человека к Богу прекрасно выражалось словами: «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 2, 11).

Обрядовый закон ветхозаветного культа не ограничивался общими правилами богопочитания, а обставлял его множеством частных обрядов с целью овладеть всей жизнью народа. Важнейшую сторону ветхозаветного культа составляла жертва примирения, приносимая за грехи всего народа. Безграничная потребность заглаживания грехов была самой характерной чертой ветхозаветного человека.

«Мысли и думы ветхозаветных великих мужей, – говорит об этом профессор Н.П.Рождественский в своей «Апологетике», – возносились к той великой умиловительной жертве за грехи мира, которая одна только может иметь истинно искупительное значение, – к жертве Божественной, по отношению к которой все ветхозаветные жертвы примирения и очищения были не что иное, как только символы и прообразы, предназначенные пробуждать и вызывать в душе человека потребность прощения. Может быть, ни в одном месте всего ветхозаветного Писания не выражено так сильно это сознание необходимости Божественной примирительной и умиловительной жертвы за грехи мира, как в известных словах Иова, обращенных к Богу: «Заступись, поручись Сам за меня пред Собою! иначе кто поручится за меня?» (Иов. 17, 3). Такое заступничество и поручительство было предметом самых пламенных религиозных чаяний и желаний лучших людей древнего мира, но ветхозаветная религия не удовлетворяла этим желаниям. Только христианская религия удовлетворяет им» (т. II, с. 352).

2.17 – Учение ветхозаветной религии о загробной жизни

Ветхозаветное учение о загробной жизни было развито недостаточно и не могло вполне утешить, ободрить и успокоить человека. Однако идея бессмертия, несомненно, заключалась в нем, хотя это и оспаривается некоторыми исследователями-рационалистами. Ошибка последних объясняется тем, что обращалось внимание только на букву, а не на дух ветхозаветной религии. Библейское воззрение на человека как образ и подобие Божие уже, несомненно, включало в себя и идею бессмертия, ибо Сам Бог понимался прежде всего как Существо бессмертное. «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего» (Прем. 2, 23).

Самое воззрение ветхозаветной религии на происхождение смерти, столь отличное от натуралистических воззрений, говорит о том, что смерть не есть явление необходимое, а лишь явление случайное, как наказание за грех. При этом влияние смерти простирается только на телесный состав человека, созданный из праха земного («прах ты и в прах возвратишься» – Быт. 3, 19), но не касается духовной стороны человеческой природы. «Возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его» (Еккл. 12, 7).

Так же несомненна в ветхозаветной религии и вера в мздовоздаяние за гробом. Хотя для поощрения к доброй нравственной жизни еврейского народа (нравственно недостаточно развитого и

неподготовленного еще к восприятию высших идей о вечной жизни) ветхозаветная религия преимущественно указывала на благополучие земной жизни праведников, однако можно найти указание и на возможность мздовоздаяния только после смерти. «Я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их» (Пс. 72, 3–4).

Учение о загробной жизни в ветхозаветной религии проникнуто печальным духом, который, однако, смягчается надеждой на будущее искупление и улучшение будущей участи умерших. Место обитания умерших называлось «шеол», что означало ад, или преисподнюю. Эта преисподняя чаще всего представлялась под видом «страны мрака и тени смертной» и противопоставлялась небу. В преисподнюю отходили все умершие, даже праведники. О состоянии отошедших в иной мир очень мало имеется сведений в Ветхом Завете. Однако несомненно, что праведники и в преисподней имели утешение надеждой на будущее избавление. «Бог избавит душу мою от власти преисподней» (Пс. 48, 16).

Эта надежда наиболее яркое выражение получила в пророчествах Исаии о пришествии Мессии: «Поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы от всех лиц» (Ис. 25, 8).

«Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела... и земля извергнет мертвецов» (Ис. 26, 19). Но надежда на будущее воскресение в ветхозаветной религии еще не имела полной уверенности, которая появилась и восторжествовала только после воскресения Христова. Поэтому даже такой духовной высоты ветхозаветный праведник, как пророк Иезекииль, на прямой вопрос к нему Бога: «Оживут ли кости сии?» – мог ответить только: «Господи Боже! Ты знаешь это» (Иез. 37, 3).

2.18 – Основание христианства

Ветхозаветная религия, несмотря на свое исключительное превосходство над всеми естественными религиями, ввиду своего явно Божественного характера, была тем не менее только подготовлением к религии христианства.

Ветхозаветная религия была предназначена не для всего мира, а лишь для избранного Богом израильского народа, почему многие из законодательных и обрядовых постановлений носили только местный, национальный характер. Израильский народ был избранным народом для того, чтобы из своей среды дать миру ряд пророков и учителей и через них подготовить весь мир к восприятию Нового Завета.

Все догматические и нравственные учения Ветхого Завета, несмотря на их высоту, были неполны, не до конца ясны и представляли собой лишь ступени к высшему откровению. Ветхозаветные пророки глубоко это понимали и устремляли взгляд к будущей религии Нового Завета (см. пророк Иеремия: «Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет» – Иер. 31, 31). Этим Новым Заветом является христианство, что совершенно без всяких оснований отрицается новоиудейской религией.

Христианство обладает полнотой доказательств его истинности и Божественности. Эти доказательства так многочисленны и разнообразны, что могут удовлетворить запросам самых различных складов ума и характеров, что мы и видим в историческом христианстве.

Кроме общих доказательств, годных для всех эпох, в христианстве имеется много частных, пригодных к определенным временам. Любая эпоха может найти чрезвычайно убедительные именно для нее доказательства истинности христианства. Самым главным и самым интересным вопросом является вопрос о происхождении христианства. Вопрос сводится к следующему: естественно или сверхъестественно явление в мире христианства?

Натуралистическая (рационалистическая) школа исследователей приходит к заключению, что христианство было целиком подготовлено всей предыдущей историей и являлось естественным продуктом древнего мира. С точки зрения этой школы христианство вполне и целиком объясняется комбинацией естественных исторических причин. Оно появилось как закономерный исторический синтез борьбы и завершения (логического) двух начал: иудейства и язычества (таково мнение так называемой Новотюбингенской отрицательно-критической школы Баура и Штрауса).

Но Православная Церковь с этим абстрактным рассуждением и утверждением согласиться никак не может. Для Православной Церкви совершенно несомненно, наоборот, сверхъестественное, Божественное происхождение христианства. Для этого утверждения имеются весьма основательные доказательства. Прежде всего, к этому приводит объективное рассмотрение исторических

обстоятельств, предшествовавших и сопровождавших появление христианства. Христианство появилось как давно ожидаемое «исполнение времен».

На Востоке перед временем Рождества Христова господствовало ожидание великого переворота в мире, причем центром и исходным пунктом этого переворота, по единогласному свидетельству таких замечательных мировых историков древности, как Иосиф Флавий, Тацит, Светоний, назначалась Иудея (ср. приход волхвов с Востока для поклонения родившемуся Спасителю; при этом было и особое знамение на небе: появление особой звезды). Даже в отдаленном Китае, в эпоху накануне Рождества Христова, ожидалось появление «великого святого», издревле предсказанное китайскими мудрецами.

Эпоха, предшествовавшая Рождеству Христову, может быть охарактеризована как трепет всеобщего ожидания переворота, связанного с появлением какой-то особенной личности. Это отразилось и в классической литературе (см., например, 4-ю эклогу «Буколик» римского поэта Вергилия, где говорится о долженствующем родиться чудесном ребенке, который принесет с собой золотой век, за что Данте в «Божественной комедии» изображает Вергилия проводником автора).

Особенно ясно, трепетно и определенно ожидание Мессии было в среде израильского народа, главным образом отраженное в творчестве пророков. Вообще следует сказать, что ожидание Мессии было душой ветхозаветной религии (ср. «семя жены», имеющее сокрушить силу зла, в Книге Бытия, 3, 15; пророчества Исаии, Даниила, Малахии, Аггея и других).

В ветхозаветной религии было точно установлено, что Искупитель придет: 1) в период существования Иудейского царства; 2) до разрушения Иерусалимского храма; 3) после появления великого пророка (Предтечи).

И место (Вифлеем), и время (через «70 седмин») рождения, и имя (Христос) Спасителя были известны.

Но самым убедительным доказательством (несомненным) Божественности происхождения христианства является личность и характер его Основателя.

2.19 – Личность и характер Христа

Прежде всего, нас поражает исключительная целостность и гармоничность личности и характера Спасителя. Такой целостной гармонии не представляет ни одна историческая личность. Затем следует отметить поразительную кристальную чистоту Его нравственной личности, идеальное смирение и кротость, неистощимое долготерпение, непобедимое мужество и цельную твердость религиозной воли. Ему нет равного и даже просто похожего во всей мировой истории. Достаточно назвать только имя Христа, и пред нашим нравственным и умственным взором возникает образ воплощенной благодати и святости. При размышлении о Нем и вчувствовании в Его образ мы открываем неисчерпаемую полноту совершенства.

Характер Христа – всеобъемлющий и всеобщий, общечеловеческий, и представляет собой нравственный идеал всех времен и всех народов. Этот характер – беспримерный по силе своего благодатного влияния на историческую жизнь человечества.

Когда произносится имя Христа, всякое человеческое величие бледнеет. Христос ни с кем не сравним. Христос является первообразом и прообразом всего совершенного; лучи Его совершеннейшей личности отражаются на величайших святых, но все они, эти святые, подобны звездам в сравнении с солнцем.

Христа невозможно восхвалять, а можно лишь благоговейно почитать, преклоняться пред Ним и любить беззаветно всем сердцем, ибо в Нем сосредоточилось в полнейшей мере все то, что достойно любви.

Самое точное слово, которое исчерпывающе определяет Спасителя, – это Богочеловек.

Каким безумием является предположение, что Христа не существовало, что Его образ – миф! Вымысел такого характера и такой личности недоступен никакому даже личному сверхгению, тем более не может быть приписан творчеству коллективного ума, да еще простых людей – евангелистов. Как возможно было выдумать личность и деятельности Христа, с его нагорной проповедью, чудесами, притчами, с трагическими подробностями Его страданий и с торжеством воскресения, потрясающими миллионы душ всех времен и народов. Если евангелисты «выдумали» Христа, то они тогда чудеснее Самого Христа!

Вера во Христа, любовь к Нему, страдания ради Него и смерть за Него на протяжении почти 2000 лет по всему миру могли быть только к живой личности, а не к выдуманному образу. Личность Христа – абсолютное доказательство реальности Божественного в истории.

2.20 – Сущность христианства

О сущности христианства было высказано много самых разнообразных мнений. Но никто и никогда не смог определить эту сущность так, как ее определяет Православная Церковь.

Прежде всего следует отметить полное бессилие разрешить этот вопрос только рационалистическим путем. Для рационализма христианство навсегда останется неразрешимой загадкой, конечно, при условии частного подхода к этому величайшему мировому явлению.

Среди рационалистических попыток выяснить сущность христианства следует отметить два основных направления: 1) стремление свести всю сущность христианства только к его нравственным принципам; 2) представить христианство в виде системы отвлеченных идей.

Наиболее ярким примером первого стремления является воззрение на христианство крупнейшего немецкого философа Иммануила Канта. По Канту, христианство отличается от всех прочих религий только по своему нравственному превосходству перед ними. Христос, согласно этому рассуждению, есть идеальный тип нравственного совершенства. Его заветы – полное и наилучшее выражение нравственно идеальных требований человеческой природы. Его Церковь – общество, где осуществляется нравственное добро. Все существо христианина – в его идеальной системе морали. Догматическое же учение христианства не имеет особого значения. Всеобщее объективное значение христианской религии – искупление человеческого рода для спасения человека и для его вечного блаженства – кантовской системой отрицается как трансцендентное и не существенное для человеческой жизни на земле. Подобное рассуждение глубоко ошибочно. При внимательном отношении к христианству становится совершенно ясным, что оно не есть мораль без догмы (подобно буддизму), ибо нравственное учение Христа находится не в одной только внешней, формальной связи с вероучением. Христианство не ограничивается, подобно некоторым системам нравственности, только стремлением оправдать свои нравственные требования религиозной санкцией и обосновать нравственные обязанности человека на воле Высшего Существа. Вся христианская этика основана на догматике и без нее теряет свой полный смысл.

Догматическое учение о Пресвятой и Нераздельной Троице, о воплощении Сына Божиего, об искуплении рода человеческого и спасении его имеет в христианстве не второстепенное, но основное значение. Оно не является в христианстве только для придания высшего авторитета его нравственному учению. Напротив, оно есть центр всей христианской религии и вытекающей из нее нравственности.

Христианская нравственность, лишенная ее догматического корня, несомненно, представляет собой все же такое чарующее, привлекательное и обаятельное явление, что не может сравниться ни с какой другой системой морали, превосходя их все своей полнотой, простотой и убедительностью. И это уже одно обстоятельство наводит на мысль о Божественном происхождении такого этического учения. При углубленном же проникновении в корни этой системы морали, т. е. при проникновении в догматический смысл, освещающий, подобно солнцу, всю гармонию целого и бесконечное разнообразие частей, нравственное учение христианства совершенно преображает человеческую душу и открывает ей возможность здесь, на земле, видеть начатки того блаженного вечного состояния, которое предуготовано Богом человеку в ином, лучшем, вечном мире.

Только этим вечным догматическим корнем и возможно объяснить неумирающую привлекательность христианского идеала нравственности, который прошел искус временем, приобретая с каждым успехом духовной культуры человечества новую красоту и силу, внося свое благотворное влияние во все области жизни, без всякого содействия внешнего принуждения. Только христианство способно зажечь любовь к истине ради самой истины, без чего невозможен никакой действительно духовный прогресс человека.

Несомненное нравственно-благотворное влияние нравственного христианского идеала на все человечество является одним из убедительнейших доказательств его Божественного достоинства.

От гностиков первых веков христианства до гегельянства в его современных течениях сущность христианства трактуется как отвлеченная система высшего знания, как абстрактная

философия, теоретически решающая проблемы космогонии и теогонии. Но самую важную сторону в христианстве – факт воплощения Сына Божиего и искупления Им грешного человечества, т. е. то необычайное чудесное явление в истории, бесконечно выходящее из ряда обыкновенных исторических явлений, – эту самую существенную сторону христианства, без которой оно ничто, рационалистические школы от древности до наших дней относили к области мифов.

Пастор, профессор Артур Дреус кончил тем, что написал книгу «Миф о Христе». Левый гегельянец Фейербах написал большое исследование «О сущности христианства». Противопоставляя сущность христианства сущности язычества, Фейербах пришел к выводу, что в христианстве преобладает субъективность над объективностью, сердце и фантазия – над разумом. Он видит в христианстве систему мировоззрения, для которого внешний мир со всеми законами природы не имеет никакого значения. Вследствие этого Фейербах находит в христианстве вражду к разуму, к знанию, к науке, к общественной жизни и всякому прогрессу: социальному, научному, политическому, экономическому и прочему. Учение Фейербаха проникло в марксизм, а через него в большевистский коммунизм, став государственной религией в советской России.

Для честной критической мысли совершенно ясны грубые ошибки Фейербаха. Во-первых, христианство, как мы это указывали в начале нашего курса, никогда не было враждебно к честному разуму, честному знанию и честной науке. Но христианство, конечно, никогда и не переоценивало человеческий разум сравнительно с общим духовным развитием. Не унижая разума, оно только ставило его в гармоническое отношение с другими силами человеческого духа. Христианство не боготворит человеческого разума, а смотрит на него как на талант, данный от Бога, который должно прилагать к жизни, и поощряет знание, служащее оружием искания и служения истине, добру и красоте.

Христианство вовсе не разрывает связи человека с миром и не противоборствует прогрессу честной науки, а только указывает на бесконечное превосходство Творца пред сотворенным Им миром, на бессмертное назначение человека и на преходящее значение вещественного мира, а на временную жизнь как только подготовительную ступень к жизни вечной. Этим учением христианство только способствует духовному развитию человека и нравственному росту его в настоящей временной жизни. История показывает, как много христианство содействовало прогрессу естествознания, т. е. той науки, которая специально занималась исследованием природы.

Из всех существующих религий только одно христианство не заключает в своих основных истинах ничего враждебного истинному прогрессу. А к природе оно относится тепло и радостно, как к творению Божию. В противоположность языческой культуре, обоготворявшей солнце, луну и звезды, христианская религия полагает их к стопам Творца. Именно христианство освободило человечество от унижительного рабства перед стихиями мира и научило человека господствовать над природой в гораздо большей степени, чем об этом мечтает рационалистическая наука (хождение по водам и воскрешение мертвых).

Идея единства и солидарности народов есть чисто христианская идея. Великое здание международного права опирается на эту христианскую идею. В социальном отношении благотворное влияние христианства неоспоримо. Оно создало христианский брак и христианскую семью. Оно чрезвычайно подняло нравственное достоинство женщины: девственницы, матери, супруги. Языческому пренебрежению к детям христианство противопоставило заветы Христа, обрекшего каждого соблазителя и развратителя детской невинности на участь горчайшую утопления с мельничным камнем на шее.

Язычество, даже в лице самых лучших представителей, оправдывало и поддерживало рабство; христианство же, систематически разрушая по частям основания, которыми оно оправдывалось в древности, привело наконец к его уничтожению. Христианство смягчило жестокость к преступникам.

Напомним, что Сам Господь избрал на земле уничиженное звание ремесленника и тем снял клеймо презрения со всякого честного труда. «Трудиться и молиться» стало девизом христианской жизни. Все монашество проводило время в трудах и молитве.

Чтобы правильно понять и определить сущность христианства, необходимо иметь в виду, что оно всецело обязано своим происхождением Божественной Личности своего Основателя и носит живой отпечаток этой Личности во всем.

Христианская религия, подобно своему Основателю, во-первых, целостна, гармонична и всеобъемлюща. В ней нет недостатков, и она не подлежит усовершенствованию. Она идеальна.

Усовершенствованию, при этом беспредельному, подлежит только христианин. Идеал его совершенства бесконечен. «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

Только христианская религия имеет полное право называться в собственном смысле слова религией, т. е. союзом с Богом. Христианство объемлет все наше существование – духовное и телесное. Оно освящает все наши семейные, социальные и политические отношения. Оно удовлетворяет всем потребностям духовной, душевной и телесной жизни человека.

Для уяснения сущности христианства следует рассмотреть основные истины христианской религии. Христианство, прежде всего, есть не столько новая система вероучения и нравоучения, сколько новое начало жизни и деятельности человека.

Хотя в новозаветной христианской религии не все ново по сравнению с религией ветхозаветной, тем не менее даже то, что воспринято христианством из религии Израиля, светится новым светом углубленного и усовершенного смысла.

Хотя и в Ветхом, и в Новом Завете находятся общие обоим Заветам догматические истины о единстве Божественного Существа, о свойствах Божиих, о происхождении человека, о его первоначальном состоянии, о падении и другие, тем не менее и эти истины в Новом Завете представляются яснее, чище, глубже, духовнее, свободнее от элементов антропоморфизма, который в Завете Ветхом заслоняет собой идею духовности Божественного Существа.

Слово Христово о том, что «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4, 24), было бы невозможно найти в Ветхом Завете.

Некоторые откровенные истины в Ветхом Завете выражались так прикровенно, что заставляли задуматься наиболее развитых духовно ветхозаветных людей. К таким истинам следует отнести указания на тайну троичности, тайну Слова и Духа Божиего и других. Эти тайны, сокрытые для ветхозаветных пророков, были ясно открыты лишь Самим Спасителем.

Новоиудейские ученые несправедливо утверждают, что во всем Ветхом Завете нет никаких указаний на тайну троичности. Но нельзя не видеть в Ветхом Завете нераскрытых понятий об особых силах Божиих: Слове Божиим и Духе Божиим. Также нераскрытым в Ветхом Завете осталось явление Аврааму Бога в виде трех Ангелов.

Во всей же полноте, доступной для человеческого понимания, тайна Пресвятой Троицы открылась, конечно, только в Новом Завете. Тайна Пресвятой Троицы – сердце христианской догматики. Эта тайна имеет огромное, неисчерпаемое значение, как чисто умозрительное, так и нравственное.

Умозрительное значение христианского учения о Святой Троице состоит прежде всего в очищении, возвышении и уяснении идеи монотеизма. Христианское учение о Пресвятой Троице не есть третизм, прямо и решительно осужденный христианской Церковью. Учение о Троице есть особый вид монотеизма, но такой глубокий, возвышенный и чистый, с каким мы не встречаемся ни в какой другой монотеистической системе.

Существенное в христианском учении о троичности состоит в том, что оно, сохраняя во всей неприкосновенности ветхозаветное учение о единстве Божества, чрез раскрытие догмата о Пресвятой Троице придает учению о единстве Божиим особый, новый, чрезвычайно значительный, высоконравственный характер, какого не было и не могло быть ни в какой другой системе монотеизма.

Недаром Ориген, блаженный Августин и святитель Григорий Нисский, анализируя тайну Святой Троицы, доказывали истинность и Божественность христианства.

Чистый монотеизм очень мало говорит о высоте, чистоте и нравственной ценности религии, проповедующей его. Ибо можно себе представить и религию одного кумира.

До понятия о единстве Верховного Существа доходили некоторые из мыслителей дохристианской древности, но идея о внутренней природе такого Существа, вне Его отношения к миру (т. е. жизнь Бога в Самом Себе), была непостижна. Вследствие этого монотеизм превращался или в пантеизм, признающий вечное раскрытие Божественной жизни и сущности в мире, или в сухой деизм.

Только христианство, через раскрытие догмата о Святой Троице, дало разрешение вопроса о природе единого Бога в Себе Самом. Только христианство открыло через этот догмат ту истину, что Бог, единый по Своему существу бесконечный Дух, имеет определенные образы Своего бытия, вне отношений Его к миру, в Его Триипостасном Существом, в Котором проявляется бесконечная полнота внутренней жизни, неведомая для нас.

Не объясняя самой сущности тайны троичности, этот догмат проясняет для нашего ума нечто относительно Существа Божиего, а именно – что в Существое Божиим есть самостоятельная, независимая от мира жизнедеятельность и есть условия для ее проявления. Хотя понятие о триединстве Бога и чрезвычайно трудно, однако понятие о голом единстве Его – еще труднее. «Христианский Бог один, но не одинок» (Петр Хризолог «60-е Слово»).

Но кроме умозрительного значения, догмат о Пресвятой Троице имеет еще и нравственное значение [см. митр. Антоний (Храповицкий) «Нравственная идея догмата Церкви»].

Через тайну троичности христианство научило человечество не только благоговейно чтить Бога, но и любить Его. Через тайну Пресвятой Троицы раскрылась новая идея о том, что Бог есть любовь, высочайшая, идеальная любовь и неисчерпаемый источник любви. Блаженный Августин с глубоким основанием утверждал: «Тайна христианской троичности – это тайна Божественной любви. Ты видишь Троицу, если видишь любовь».

Тайна троичности научает нас тому, что любовь Божия проявилась не только в творении и промышленности о мире, но что она является в своей совершеннейшей, безграничной полноте в самом лоне Божества, где от вечности была жизнь любви, вечное общение святой любви Отца, Сына и Святого Духа.

Таким образом, можно утверждать, что сухой монотеизм древних религий, не оплодотворенный откровенной истиной троичности, не имел и не мог иметь истинного понятия о Божественной любви.

Главное отличие строго монотеистической новоиудейской религии от религии христианской заключается в понимании последней основной Божественной сущности. Только христианство, через откровение Самого Христа, знает и понимает истину о том, что Бог есть любовь и что такое любовь.

Христос, по выражению христианского поэта А.Толстого, «все законы Моисея любви закону подчинил». Понять эту идею Бога-Любви при сухом монотеизме невозможно, ибо кого же мог Бог любить, кроме Себя? Ведь мир – временный, и когда его еще не было, – кого Бог мог любить, кроме Себя? Только тайна Святой Троицы, не посвящая нас во всю глубину необъятного для человеческого ума Существа Божиего, дает нам разуть, что любовь Божия никогда не была бездеятельна, никогда не оставалась без проявления, никогда не была себялюбием, указывая на вечное Божественное общение Лиц Святой Троицы.

Вся глубина любви Божией к человеческому роду уяснятся нам до конца в свете тайны Пресвятой Троицы. Эта тайна является и основанием всего христианского учения об искуплении.

Высочайший образец любви в пожертвовании Бога Отца Своим единокровным Сыном за спасение человеческого рода, в добровольном крестном страдании Сына Божиего для нашего искупления и в сошествии Святого Духа для нашего освящения, потрясая человеческую душу, порождает ответную благодарную, самоотверженную любовь к Богу, Которого христианин начинает понимать как любвеобильного Отца всего человечества.

Если мы так же глубоко задумаемся над христианским учением о воплощении Второго Лица Пресвятой Троицы, то увидим, что оно имеет не только глубокое умозрительное, но и всеобъемлющее нравственное значение. Оно подняло нравственное сознание человека на такую высоту, до которой невозможно было возвыситься без помощи Божией.

Эту истину некоторые из древних учителей Церкви формулировали так: «в таинстве воплощения Бог снизошел до человека для того, чтобы человека возвести до Бога».

Чудо воскресения Христова завершает все другие чудеса и составляет, по яркому выражению профессора Н.П.Рожественского, «основной камень христианской апологетики». Доказательство истины воскресения Христова чрезвычайно просто и чрезвычайно убедительно. Доказательство это сводится к тому, что без действительного факта воскресения было бы совершенно необъяснимо ни начало апостольской проповеди, ни явление в мире исторического христианства с его мучениками, апологетами, учителями Церкви и святыми подвижниками, ни существование на земле до сегодняшнего дня миллионов верующих христиан, готовых отдать жизнь свою за Христа.

2.21 – Заключение. (Апология христианства)

Появление Христа на земле и распространение исторического христианства вызвало против себя мобилизацию всех сил ада.

В ответ на это христианство явило миру свою самозащиту. Оно ответило: на гонения – исповедничеством и мученичеством; на ереси, расколы и лжеучения – Вселенскими Соборами, учением святых отцов и догматами; на непрерывный поток придирчивой критики – беспристрастной апологетикой; на клевету – святостью, и на усилия всех сил ада – Святою Церковью.

Приложение

Личность Спасителя – как живой идеал нравственного совершенства. Непревосходимое и исключительное величие христианской нравственности заключается в том, что она имеет не только истинный нравственный закон и благодатную помощь к его исполнению, но и обладает живым идеальным образцом и совершеннейшим личным примером нравственной жизни в лице Своего Законодателя и нашего Спасителя – Господа Иисуса Христа. Сам Спаситель нам заповедал стремиться к этому идеалу: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48) и «Я и Отец – одно» (Ин. 10, 30).

Неслиянное и нераздельное соединение Божественного и человеческого начала во Христе, т. е. Личность БОГОЧЕЛОВЕКА, дана нам как живой реальный идеал нравственного совершенствования. Иными словами, перед христианином Самим Богом, в Лице Богочеловека Христа, поставлен образец, к которому призывается стремиться каждый христианин.

Точный и полный нравственный образ Иисуса Христа, обладающий бесконечным нравственным совершенством, невозможно исчерпать человеческими словами. По словам святого евангелиста Иоанна Богослова, описание того, что сотворил Иисус Христос, потребовало бы столько книг, что их не смог бы вместить весь мир. Поэтому, отметив самое существенное и поразительное свойство Личности Спасителя – его безграничную любовь, высочайшую свободу и совершенство, мы укажем лишь, как эти основные нравственные черты Его Личности проявились в Его отношении к Богу Отцу, к Себе Самому и к людям. По отношению к Богу Отцу Иисус Христос всегда находился в единении. «Я и Отец – одно», – говорил Сам Иисус Христос (Ин. 10, 30). Неоднократно Он Сам утверждал, что Он от Бога исшел и к Богу грядет, что Он равен Отцу по самосутию и деятельности. Воплотился он по воле Отца. Видевший Сына видел и Отца. Закон Божий был постоянно в сердце Иисуса Христа, и исполнение этого закона даже до смерти было основой всей Его жизни и деятельности. Это было потому, что любовь к Отцу составляла основу духа Христова. Вся жизнь Его на земле была как бы непрерывной молитвой: словами, мыслями, чувствами, деяниями. Последняя молитва Иисуса Христа на кресте перед смертью была: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23, 46). Итак, по отношению к Отцу Иисус Христос явился на земле бесконечно любящим, всецело, неизменно преданным Сыном, отдавшим жизнь Свою за весь мир во исполнение всеблаготворительной и справедливой воли Отца. Не это ли заповедал Он и нам, христианам, как первую, основную и главнейшую заповедь?

Из полного, всецелого, всепоглощающего слияния человеческой воли с волей Бога Отца вытекало и замечательное свойство человеческой природы Христа: безгрешность. Не к безгрешности ли стремится и всякий христианин? В полном и всецелом до конца предании своей воли воле Божией и заключается путь к безгрешности.

Всецело уповая на Промысл и постоянную помощь Божию, Иисус Христос, как Человек, не заботился ни о чем временном (о пище, питии, одежде, жилище). Но, уповая на помощь, Он не только никогда не роптал, если помощь не приходила, но даже Свою молитву о Чаше заключил словами: «...впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26, 39). И в молитве Господней дал прямое и ясное указание об этом в словах к Богу Отцу: «Да будет воля Твоя» (Мф. 6, 10). Всецело преданный Отцу, Иисус Христос являл Собой идеал дивной гармонии слова и дела, спокойствия духа и ясности сознания. Ему чужды были страстность и раздражительность. Даже законный гнев Его был гневом любви, скорбящей от беззакония, лжи и лукавства. В самые тяжкие минуты величайших страданий Своих Он вполне сохранял сознание и самообладание, молясь за палачей, заботясь о Матери. Даже в страшный час оставленности Он взывал к оставившему Его Отцу, уверенный в существовании Бога Любви. Может ли быть более прекрасный, более совершенный, более умильный и более благодатный ИДЕАЛ для христианина, чем РАСПЯТЫЙ СПАСИТЕЛЬ МИРА?

О характере ума Христова так прекрасно говорит епископ Никанор Казанский в своем курсе «Нравственного богословия»: «Бедный, неученый, Он (Христос) выступил на поприще общественного учительства без всякого опыта, без друзей и всякого рода других внешних опор. И могучее слово Его слушали все с бесконечной жаждою, забыв о пище и домах своих (в пустыне). Он учил просто, без всяких подготовок. Его знание не представляется заимствованным извне, но плодом Его вечной мысли. Вполне обладая высочайшими тайнами, Он не волновался ими, подобно другим смертным, но говорил спокойно и без напряжения. В Его речах не видно следов сухого образования. О самых высоких предметах Он учил так, что Его подлинная мысль была до очевидности понятна. Самые высочайшие мысли Он весьма часто представлял в самых простых образах и сравнениях, и они являлись в необычайной живости и привлекательности».

Не идеальный ли образец дан здесь для мышления христианина? Воистину «ум Христов просвещает всех», и в свете этом становится ясно, что «мудрость мира сего – безумие перед Богом».

На кротость и смирение как основные черты Своей святости указывал Сам Иисус Христос, говоря: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11, 29).

В отношении к людям Иисус Христос показал Себя как идеальный сын, как идеальный гражданин, как идеальный Учитель и Спаситель. Никто не отходил от Него, не получив необходимого. Воистину Он был всем вся. Не так ли и мы должны стремиться быть на всех поприщах и во всех своих отношениях к ближним? Вся жизнь Христа прошла в благодеяниях и тем установила закон общения людей друг с другом. Каждый каждому может и должен оказывать благодеяния. Как просто, мудро и радостно разрешилась бы самая мучительная и неразрешимая на земле социальная проблема, если бы это начало восторжествовало в людях!

Подражание во всем Личности и жизни Христа, будучи до конца невозможным, оказывается, тем не менее, самым могущественнейшим средством к воссозданию в нас образа Божиего и к достижению спасения и блаженства.

Будучи Сам путем, истиною и жизнью, в процессе оказания христианам Своей Божественной благодатной помощи, Иисус Христос основал Свою Церковь, которую не смогут погубить все силы ада. Поэтому каждый христианин, желающий идти по стопам Христа, может это осуществлять только с Его помощью в Им основанной Его благодатной Церкви.